

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

Кес Арут

Исторический роман
Основан на реальных событиях

Сборник романов от Люттоли

Люттоли
Кес Арут

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Кес Арут / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович»,
— (Сборник романов от Люттоли)

Книга основана на реальных исторических фактах и свидетельствах очевидцев событий. 1915 год. Правительство Османской империи принимает решение о депортации всего армянского населения. Чиновникам рассылаются циркуляры, из тюрем освобождаются люди с особо тяжкими преступлениями. Из них формируются дивизии Чётников. Солдаты и офицер армянского происхождения расстреливают без суда и следствия. В Константинополе пытаются и убивают весь цвет армянской интеллигенции. Детей, женщин и стариков выгоняют из домов, формируют из них колонны и направляют в пустыню, обрекая на мучительную смерть. Из города Эрзурум депортируют девятнадцать тысяч армян. Выживают из них только одиннадцать человек, один ребёнок и десять женщин.

© Люттоли

© Агаджанов Людвиг Ашотович

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 6	33
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Луи Бриньон

Кес Арут

От автора

Меня часто обвиняют. Причина обвинений – ужасающие сцены насилия описанные в книги. Многие считают, что я просто не могу знать обо всех этих событиях. Я хочу ответить на эту несправедливую критику.

1. Единственный вымысле в книге – это конкретные действия фидаинов по руководством Кес Арута. На самом деле, почти всё обстояло с точностью наоборот. Никого спасти не удалось.

2. Есть многочисленные документы и фотографии, а так же свидетельства граждан иностранных государств. Все они приведены в конце книги.

3. Хронология докладов российских дипломатов той эпохи – соответствуют действительности. Они доступны для всех.

4. Что касается отдельных свидетельств очевидцев. Во второй половине семидесятых годов, я сам, лично разговаривал с людьми, которые пережили депортацию 1915 года. Я разговаривал с очевидцами тех событий. В книге отражена лишь малая часть этих разговоров. Эти люди являлись неотъемлемой частью моего детства и моей юности. Я вырос среди них. Оба моих деда, со стороны матери и со стороны отца – выходцы из Турции. Оба выжили и в 1916 году обосновались в Тбилиси. Часть потомков депортированных армян, в третьем колене страдали психическими расстройствами.

Книга основана на реальных исторических фактах и рассказах очевидцев событий. Данная книга отражает трагические события, но ни в коем случае не является призывом к ненависти. Есть многочисленные примеры спасения армян населением Турции. Для многих турок эти страшные события стали лично трагедией. Именно такие люди воплощены в романе, в образах турецкого солдата и имама Мусавата Али. Один из таких людей спас моего деда от смерти. Ему, этому неизвестному человеку и его потомкам – приношу бесконечную благодарность!

Рим 24 мая 1903 года

Стихийный митинг возник напротив особняка, в котором расположилось официальное представительство Османской империи в Риме. Несколько сот человек одновременно выкрикивали проклятия и угрозы в адрес турок. Привлечённые шумом к толпе, выкрикивающей угрозы, начали присоединяться горожане. Они вслушивались в выкрики, пытаясь определить для себя, насколько происходящее их касается. Толпа увеличивалась. В связи с возрастающей угрозой внутри посольства началось движение. Из здания показались несколько десятков вооружённых солдат. Солдаты образовали цепочку с внутренней стороны ворот и через решётки с настороженностью наблюдали за действиями толпы. Появились пешие и конные полицейские. Без излишнего шума они заняли позиции перед воротами. Казалось, приход полиции должен успокоить митингующих, но не тут-то было. Толпа начала волноваться всё более и более. Назревало прямое столкновение. К посольству начали стягиваться дополнительные силы полиции, однако... начало происходить нечто необычное. Толпа внезапно замолкла. Она замолкла, но ни один человек не двигался со своего места. И солдаты, и полиция с удив-

лением наблюдали за этим явлением. Через минуту всё для них стало ясным. Из толпы вышел человек лет шестидесяти.

В каждой чёточке лица этого человека сквозил гнев. И лицо этого человека было знакомо очень многим. Ибо это был ни кто иной, как знаменитый французский писатель Франс Анатоль.

Среди всеобщего молчания раздался гневный голос писателя:

– Султан Абдул Гамид – это чудовище, которое постоянно дрожит в своём могуществе и, ужасаясь своих преступлений, успокаивает себя тем, что совершает новые преступления. За три года с 1893 по 1896 он повесил и сжёг живьем – 300.000 армян. И начиная с этого времени с мерзкой осторожностью занимается методическим уничтожением осиротевшего народа...

Глава 1

Фидаи

31 марта 1909 года

– Почтенный Джевад паша!

Начальник Аданской тюрьмы, услышав этот возглас, поспешно вскочил со своего места и не менее поспешно принялся застёгивать пуговицы на форменном кителе. Последнюю пуговицу на воротнике он застегивал, когда в его кабинете появился вали города Адана. Начальник тюрьмы почтительно приветствовал высокого гостя. Ему сразу бросилось в глаза необычное состояние почтенного Джевад паши. Джевад паша выглядел излишне возбуждённым. Лихорадочно блестели глаза. В руках он сжимал листок, который сразу же положил на стол перед начальником тюрьмы.

– Аллах велик! Настал долгожданный час!

Эти слова прозвучали излишне торжественно из уст Джевада паши. С некоторой долей настороженности и бросая короткие взгляды на вали, начальник тюрьмы взял бумагу со стола.

По мере того, как начальник тюрьмы читал содержимое, лицо его покрывалось всё большей бледностью. К концу чтения у него на лбу появились капельки пота, в глазах отчётливый страх. Протягивая бумагу в сторону вали, он едва ли не заикаясь от обуревавших его чувств, сказал:

– Почтенный Джевад паша, я не могу выполнить вашу просьбу!

– Это не просьба, а приказ, – лицо Джевада паши резко нахмурилось, – и ты исполнишь слово в слово то, что здесь написано. Иначе я обвиню тебя в предательстве и позабочусь о том, чтобы тебя повесили на главной площади не позднее завтрашнего утра. Ты меня знаешь. Клянусь аллахом. Я это сделаю!

– Вы понимаете, что собираетесь сделать? Вы понимаете последствия этого приказа? Понимаете, что будет с городом?

– Последствия тебя не касаются, – последовал резкий ответ, – сделай то, что тебе говорю я. Освободи 500 заключенных из числа правоверных турок. Собери всех во дворе. Назначь старшего. Ночью привезём оружие и патроны. Раздашь всем поровну. Что делать... сам скажу. Твоё дело – молча исполнять!

С этими словами Джевад паша покинул кабинет начальника тюрьмы, оставив того в глубочайшей растерянности и смятении.

На улице, у тюремных ворот, стояли три коляски с извозчиками и два человека. Оба были одеты в местные восточные халаты. Оба встретили появление Джевада паши вопросительными взглядами.

– Сделает, – коротко произнёс Джевад паша в ответ на эти взгляды. Оба облегчённо вздохнули. – Самое трудное позади. Ихсан, позаботься о том, чтобы к утру все знали... начинаем завтра. А ты Эшраф... дай знать курдам, что завтра им будет, чем поживиться в Адане.

Оба кивнули головой. А ещё через несколько минут все трое разъехались в разные стороны.

Почти в то же самое время, вдоль реки Джихан по направлению к Адане двигался небольшой обоз. Обоз состоял из десяти телег, которые были нагружены доверху сеном. Каждый управлял вооружённый возница. Обоз двигался по совершенно разбитой дороге, которая вилась вдоль обрыва, хотя двумястами метрами выше проходила довольная хорошая, а главное безопасная дорога. Обоз рисковал каждую минуту сорваться в реку. Около пятнадцати бородатых мужчин разного возраста, одетые в разношерстную одежду, с винтовками за плечами,

едва ли не ежеминутно поддерживали телеги. Они прилагали невероятные усилия, двигаясь по этой дороге, и частенько поглядывали на бегущую внизу реку, но путь менять не собирались. Обоз двигался без остановки и видимо довольно долго. Об этом ясно говорили усталые лица сопровождающих. Усталость брала своё. У многих мелькала мысль остановиться. Они переглядывались друг с другом. Но едва это происходило, шедший впереди молодой парень, которому едва исполнилось двадцать лет, поворачивал лицо назад и оглядывал всех настолько жёстким взглядом, что они мгновенно начинали шагать бодрее.

Вожак – был самым молодым из всех. Из всех только у него не было бороды и только потому, что она ещё не выросла. Он был среднего роста. Довольно крепкого телосложения. Глаза светло-серые. Волосы каштановые, слегка волнистые. Нос с едва заметной горбинкой. Черты лица можно было назвать мягкими, если бы не твёрдый взгляд. Скулы постоянно двигались. Рот был плотно закрыт. Левая рука была сжата в кулак. Большой палец правой руки сжимал ремень от винтовки. При ходьбе волосы несколько отбрасывались назад, открывая глубокий шрам, идущий от уха через шею вниз.

К великому облегчению людей дорога начала делать крутой поворот. Они явно приободрились. Послышался местами смех. Меньше чем через четверть часа дорога упёрлась в высокую скалу. В скале чуть выше уровня дороги был замечен вход в пещеру. Немного не достигнув скалы, обоз остановился. Люди радостно хлопали друг друга по плечу. О чём-то весело говорили. Здесь же на дороге они снимали оружие и провиант, готовясь к отдыху. Пока они это делали, вожак снял свою винтовку и меховую накидку. Затем он с ловкостью поднялся по камням к входу пещеры. Оттуда уже начали выходить десятки вооружённых людей, очень похожие на тех, что сопровождали обоз. Это были фидай из отряда Серго. Не обращая на них ни малейшего внимания, вожак подошёл к скале, по которой стекала вниз родниковая вода. Встав на два валуна, вожак с жадностью припал к источнику. Пока он пил, слышались весёлые голоса среди тех, кто вышел из пещеры. Они, смеясь, показывали пальцем на молодого парня, который пил воду:

– Похоже, у Сепуха дела совсем плохи, если он начал брать в фидай детей! Посмотрите на него, ... у него даже усов нет. Он у вас что ... еду готовит? Стирает? Молокосос. Стыдились бы вести его сюда из Эрзерума. В Зейтуне и Адана воюют одни мужчины. Не то, что у вас.

В ответ на эти крики, люди с обоза стали с опаской поглядывать в сторону своего вожака. Но тот даже вида не показывал, что слышит оскорбительные выкрики. Постепенно возле пещеры крики начали стихать. Это происходило оттого, что молодой человек разделся до пояса и начал обтирать водой грудь, по-прежнему не обращая внимания на людей вокруг себя. На спине, чуть выше правой ключицы, был замечен след от пули. Ещё такой же след был чуть ниже, в правом боку. Начиная от правого уха и вплоть до поясицы, проходил глубокий шрам от удара сабли. Шрам как бы делил спину пополам. Этот шрам произвёл на присутствующих магическое действие. Вместо шуточных лиц появились серьёзные. Вместо насмешливых выражений – появились выражения, в которых сквозило глубокое уважение.

Послышались приглушенные голоса:

– Кес Арут! Это Кес Арут! Наш брат фидай из Эрзерума! Кес Арут!

Закончив мыться, тот, кого называли «Кес Арут» взял с камня одежду и бегло оглядев сгрудившихся возле него фидай, коротко бросил:

– Двести винтовок. Двести ящиков патронов. Всё что могли собрать для вас наши братья из «Гнчака».

Кес Арут собирался спуститься вниз, когда услышал обращённый к нему вопрос:

– Брат Арут, когда обратно?

– Завтра вечером! У нас в последние дни турки совсем распоясались. Совершают один набег за другим. Только успеваем из одной деревни в другую. Да и курды ... в покое не оставляют. Месяца два назад уложили четыреста курдов. После этого не трогали наши деревни, а

перед самым уходом снова начали. Одну деревню сожгли. Хорошо люди спрятаться успели, ... а у вас тут спокойно. Не будем ждать. Там наша помощь нужна. Завтра вечером тронемся!

– Ничего, брат Арут, мы всем отомстим, – говоривший сразу осёкся, так как в него упёрся жёсткий взгляд Арута.

– Что проку мёртвому от тебя? Живых защищай...

Отрывисто бросив эти слова, Арут спустился к своим людям, а оттуда вниз к берегу реки. Раздевшись донага, он бросился в воду и поплыл широкими гребками. Фидай из отряда Серго спустились к обозу. Они раскидали сено с ящиков и, встав в цепочку по одному, начали переправлять оружие в пещеру. Часа через четыре всё оружие и боеприпасы были переправлены. Уже стемнело, когда всё было закончено.

Сразу после этого запылали костры. Над кострами появились котлы, в которых варилась баранина. Пока готовилась еда, почти все фидай собрались в круг и обсуждали нынешнее положение дел. Исключение составлял лишь Арут. Он сидел на земле, опираясь спиной о камень на некотором отдалении от остальных. Взгляд Арута был направлен на звёздное небо. Что он там высматривал, можно было только догадываться.

Он едва заметным кивком поблагодарил фидай, который ему поднёс котелок с дымящейся едой и завернутый в материю лаваш. Многие наблюдали за тем, как Арут поместил котелок между ног и, развернув лаваш, макнул его в содержимое. Ел он без всякого аппетита. Это было очевидно. Закончив, Арут прислонил к валуну свою шашку. Чуть в стороне положил винтовку. Затем лёг на голую землю и, укрывшись плащом, заснул. Многие последовали его примеру.

Лишь за одним костром оставалось человек двадцать бодрствующих. Здесь были фидай из обоих отрядов. Они делились впечатлениями. Спрашивали о произошедших сражениях. Спрашивали, как обстоит положение с оружием. И что более всего интересовало фидай из отряда Серго, так это таинственная личность молодого человека, который беспокойно ворочался неподалеку от них.

За костром начали раздаваться приглушённые вопросы:

– Арут Акопян! Кес Арут! А, правда, что он всегда вот так... один?

– Правда, – так же негромко звучал ответ, – Арут всегда один, когда спокойно. Близко дружит только с двумя парнями из нашего отряда, – говоривший покосился на бородача богатырского телосложения, который разлёгшись неподалеку от Арута, раскатисто храпел. Рядом с ним чуть ли не в обнимку лежал ещё один фидай, едва ли не крупнее первого.

– Сарик Арсен. А рядом, его родной брат, Покр Вазген. Они ни с кем не дружили, но после того, как Арут поборол их, ... зауважали его. Едва ли не по пятам начали ходить. Оберегать. Но Арут всё равно держится один. Но когда начинается бой он со всеми... впереди всех.

– А, правда, что он в одиночку сорок человек уложил?

– Мы с ним были тогда. Сидим, не дышим. Только и думаем чтобы турки ушли. А он бой завязал. Турок перебили, а сами живые, – среди фидай из отряда Сепуха послышался лёгкий смех, – Арут несколько раз нападал в одиночку на отряды турок. Этот парень даже чёрта не боится. Видно поэтому бог его берёт. Другого на его месте давно убили бы. А ему везёт. Сепух несколько раз просил Арута, чтобы он не лез очертя голову в драку, но тот только головой кивает, а через несколько дней снова что-нибудь выкинет. Сепух рукой на него махнул. Пусть, говорит, делает что хочет.

Все сидящие за костром рассмеялись, живо представив себе расстроенное лицо знаменитого армянского фидай.

– А, правда, что всю его семью вырезали? – послышался новый вопрос за костром.

– Правда, брат! Но у него есть приёмный отец и брат Ахмед!

– Ахмед? – за костром мгновенно воцарилась напряжённая тишина. Чуть позже раздался осторожный вопрос.

– Турок? Мусульманин? Арут почитает турок за отца и брата?

– Так и есть, брат!

– Но как такое может быть? Турки наши злейшие враги, а он... он почитает наших врагов за кровных родных?

– Так и есть, брат! – повторил фидаи из отряда Сепуха и тут же предостерёг другого из отряда Серго. – Если не хочешь неприятностей, брат, никогда не говори плохо об этих людях в присутствии Арута. Не знаю, что их связывает, но однажды Сепух оскорбил приёмного отца Арута. Так Арут чуть не убил Сепуха. После этого они долго говорили. Видно Арут ему, что-то рассказал, потому что после этого дня Сепух ни разу не упоминал об отце Арута. Он и нам это строго запретил. Так и сказал: «Оказывайте уважение имаму Мусавату Али как родному отцу. Его сыну Ахмеду оказывайте уважение как родному брату!».

– Видно, святой человек этот турок, раз сам Сепух такие слова сказал!

Личность Арута была настолько загадочной, что разговоры о нём не стихали до поздней ночи. Все хотели узнать подробности его жизни. О том, как он воюет? И насколько соответствуют многочисленным легенды, ходившие вокруг его имени.

Разговоры стихли тогда, когда сам виновник этих разговоров проснулся. Поднявшись со своей импровизированной постели, Арут вопреки обыкновению подошёл к костру. Все начали двигаться, уступая ему место. Примостившись на корточках возле одного из фидаи своего отряда, Арут поднял сухую веточку и начал ворошить уголья в костре. Яркое пламя осветило мягкую улыбку на губах Арута. Это выглядело довольно загадочно, впрочем, как и всё остальное его поведение. Арут сидел несколько минут и, не переставая, улыбался. Любопытство овладело присутствующими, и прежде чем кто-то задал вопрос, раздался негромкий голос Арута, в котором явно прослеживались романтические нотки:

– Сон видел, братья. Станный сон. Девушка приснилась. Очень красивая девушка. Она была одета в свадебное платье. В руках держала розу. Она стояла в саду и протягивала ко мне руки. Я подошёл к ней, приколот розу к волосам, а потом... она поцеловала меня в губы и сказала: «Арут, я жду тебя! Приходи, мой суженный!»

После рассказа Арута за костром раздался оживлённый смех. И почти сразу раздался озабоченный голос:

– Не к добру сон, брат Арут. Чья-то душа тебя зовёт к себе.

– Ну и хорошо, – совершенно беззаботно ответил Арут.

Толкователь снов, услышав ответ Арута, растерялся.

– Брат Арут, ты что, смерти не боишься?

– Нет, брат. Смерти не боюсь. А вот жизни...

Арут не договорил. Раздался окрик одного из фидаи, несущих ночное дежурство вокруг лагеря:

– Двое незнакомых мужчин направляются к нам! Они даже не идут,... они бегут.

– Что-то случилось...

Все сидевшие вокруг костра мгновенно вскочили на ноги. Арут первым подошёл к часовому, который стоял у самого обрыва. Часовой показал на берег реки, которая казалась красноватого цвета в предраассветных лучах солнца. Со стороны Аданы вдоль берега к ним поспешно приближались двое мужчин. Видимо, увидев их, они ещё издали начали махать руками.

– Я знаю одного, – раздался голос одного из фидаинов, – это Григор из партии Дашнакцютюн. Чего это он припёрся в такую рань?

Через несколько минут оба человека начали карабкаться по сыпучему склону. Вскоре, преодолев подъём, они уже стояли возле повозок рядом с фидаинами. Оба выглядели донельзя взволнованными.

– Григор! – раздался весёлый голос.

Тот, которого называли Григором, сделал нетерпеливый жест руками и запыхаясь, видимо из-за трудного подъема, скороговоркой выпалил:

– Беда, братья! Большая беда! Рассказывай всё, что мне сказал!

При этих словах, он слегка вытолкнул вперёд своего спутника, довольно молодого на вид армянина. Тот вначале оглядел обступивших его фидаи, затем быстро заговорил:

– Я из Аданской тюрьмы убежал! Там вчера вечером пятьсот турок отпустили. Мало отпустили, так всем ещё и оружие раздали.

– Врёшь, – раздались вокруг говорившего недоверчивые голоса фидаинов, – не могло такое случиться.

– Богом клянусь, – говоривший перекрестился, – своими глазами видел, как всё происходило. Сам Джевад паша приезжал в тюрьму. Когда раздали оружие, он выступил перед всеми. Сказал, что неверные собаки армяне и греки – враги правоверных. Их надо истребить, уничтожить всех до единого, во всех гаварах нашего вилайета. Говорил, что сам Талаат паша призывает правоверных к священной войне. Сказал, что начиная с завтрашнего утра, долг каждого турка в империи, убить как можно больше этих нечестивых собак. Я воспользовался суматохой и сбежал. Я сразу пошёл к Григору и всё рассказал.

После этого короткого рассказа среди фидаинов наступило гнетущее молчание. Но оно длилось короткое время. Послышались яростные крики. Угрозы в адрес турков. Но и это продолжалось недолго. Всех охватило смятение. Встал вопрос. Куда идти? Куда? Если резня должна начаться одновременно повсюду. Куда идти? И кому помочь?

Среди всеобщего смятения раздался непоколебимый голос Арута:

– Я иду в Адан!

– С ума сошёл, брат Арут? Смерти своей ищешь? Как мы можем спасти город?

Арут повернулся к людям, которым принадлежали эти крики.

– Где сейчас Серго? – коротко спросил он у одного из них.

– В Зейтуне с частью отряда.

– Отправляйтесь туда. Вам надо быть вместе. Если сможете закрыть дорогу из Аданы в Зейтун, вам ничего не смогут сделать. К тому же, в Зейтуне каждый житель – воин. У них свои отряды ополчения. А я со своими людьми отправлюсь в Адану и постараюсь вывести как можно больше людей из города.

– С ума сошёл, брат Арут? Вас меньше тридцати, а там против вас тысячи будут.

– Даст бог, справимся, а нет, так тому и быть. Только патронов у вас возьмём. У нас их мало...

Тон, которым были произнесены эти слова, не допускал ни малейших возражений. Четыре часа понадобилось на всю подготовку к поездке. Повозки общими усилиями были переброшены на главную дорогу. Около одиннадцати часов утра колонна, состоявшая из десяти повозок, в которых сидели двадцать шесть вооружённых людей, возглавляемые Кес Арутом, во всю прыть, погоняя лошадей, полетела в сторону Аданы.

Глава 2

Адана.

1 апреля 1909 года. Утро. Время 09-45.

В одном из армянских кварталов расположенных на востоке города оживлённо шла торговля. Многочисленные покупатели прохаживались меж длинного ряда лавок торгующих всевозможными товарами. Временами раздавался оживлённый спор между торговцем и покупателем. Жизнь была обычным ключом.

В конце улицы появились несколько десятков людей. Они были вооружены винтовками. Пояса обрамляли полные патронташи. Сбоку висели сабли. Эти люди не были военными или полицейскими, что с точностью обозначало отсутствие какой-либо формы. И, тем не менее, они были вооружены до зубов.

Люди, стоявшие в проходах, расступались перед ними. Они с испугом смотрели на злобные ухмылки этих людей.

В воздухе повисла гнетущая тишина. Слышались лишь топот ног и бряцание оружия. Были ясно видны хищные взгляды этих людей, которые выхватывали всё, вплоть до последней мелочи. Особенно тщательно высматривалось ими содержимое лавок. Вооружённые люди шли молча до того момента, пока не оказались посередине улицы. Здесь они остановились, потому что раздался возглас:

– Я знаю эту собаку. У него дочка красавица.

Напротив лавки, в которой продавалась всевозможная домашняя утварь, сгрудилась вся группа вооружённых людей. Испуганный торговец прижался к стене и как замороженный смотрел на приближение одного из этих людей.

– Армян? – сверля глазами торговца, спросил турок.

– Грек... – заикаясь, отвечал торговец.

– Грек? Гречанки красивые девушки. Веди нас к своей дочке!

– Нет, нет... возьмите всё, всё... – торговец грек начал брать все предметы, которые попадались ему под руку, и протягивал с мольбой в глазах этим людям, – всё возьмите... мне ничего не надо... только... семью не трогайте... прошу.

Турок ударил грека по лицу. Затем взял за шиворот и подтянул к себе.

– Это и так наше. Показывай, где дочку прячешь, собака, иначе подохнешь прямо здесь.

Едва прозвучали эти слова, как в конце улицы появилась ещё одна группа вооружённых людей, гораздо многочисленной первой. Одновременно раздалось несколько десятков диких голосов:

– Во имя аллаха! Убивайте неверных! Убивайте грязных собак!

Вслед за этим тишина в одно мгновение покинула город. Одновременно началась стрельба. Звуки от выстрелов перемешивались с дикими воплями, мольбами о помощи и предсмертными хрипами несчастных людей, которые в одночасье стали объектом яростного нападения. Против беззащитных людей одновременно заработали винтовки и сабли. По всей улице нападавшие начали громить лавки, безжалостно убивая любого, кто там находился. Обезумевшие от страха люди бросились в разные стороны, пытаясь спастись от смерти. Но не тут-то было. С другой стороны появилась ещё одна толпа вооружённых убийц. С двух сторон заработали дружно сабли. В течение нескольких минут были убиты все армяне и греки. Кровь убитых была повсюду. На разбросанных предметах, на стенах. Крови было столь много, что она, образуя маленький ручей, потекла вниз, образуя устье кровавой реки растекающейся по всем улицам Аданы. Убив всех на улице, ослеплённые жаждой крови убийцы, начали врываться

в дома. Женские вопли попеременно с душераздирающими криками детей не прекращались. Банды турок убивали, насиловали, грабили.

Несчастного грека втокнули во двор его собственного дома. При этом его не переставали бить и требовали, чтобы он немедленно привёл свою дочь. На шум из дверей дома выскочили две женщины. Первая была жена торговца. Вторая дочь, та самая, которую требовали привести убийцы. Отбросив державшего за шиворот грека, турок подошёл к девушке и начал валить её на землю. С диким криком мать девушки вцепилась в мародёра, не позволяя ему совершить насилие. Не раздумывая, турок стегнул её саблей по голове. Одновременно раздался предсмертный хрип матери, два душераздирающих крика, принадлежащие отцу и дочери... и выстрел. Турок, убивший женщину, внезапно схватился за грудь и свалился на землю. В дверях дома стоял мальчишка тринадцати-четырнадцати лет, с глубокой ненавистью взирающий на убийц. В руках он держал дымящуюся винтовку. В ответ раздалось несколько десятков выстрелов. Мальчик, изрешечённый пулями, замертво свалился у порога. Тут же пристрелили и несчастного грека. В живых всё ещё оставалась юная девушка. По взглядам, сверлившим её с ног до головы, она ясно осознавала, что её участь станет гораздо худшей, нежели отца, матери и брата. Девушка медлила лишь одно мгновение. Она бросилась к винтовке, которая лежала у тела брата. Но, не успела добежать. Несколько человек бросились ей наперерез и, схватив, повалили на землю. Кожи девушки начали касаться жадные языки. Послышался треск разрываемой одежды. На девушке мгновенно разорвали всю одежду. Она осталась совершенно обнажённой под откровенно похотливыми взглядами нескольких десятков убийц. Несмотря на страшную участь, какая, несомненно, ожидала девушку, она не пала духом. Первому же кто лёг на неё, она плюнула в лицо:

– Мерзкий турок, – в ярости закричала девушка, – будь ты проклят! Будь прокляты вы все! Пусть мать, родившая вас, иссохнет,... пусть ваш род закончится,... пусть бог отвернётся от вас и проклянет, как я проклинаяю... Убийцы, не будет вам покоя на этой земле, где льётся кровь моей семьи...

– Убей её!

Убийцы пришли в неопишемую ярость от слов девушки и собирались покончить с ней, но человек, лежавший на ней, не собирался отказываться от удовольствия. В следующее мгновение раздался глухой стон девушки. Насильник двигался с ожесточённым остервенением.

– Я плюю на вас, мерзкие турки,... плюю,... трусы,... племя жалких ничтожеств,... вы подохните, мерзкие твари... подохните страшной смертью... убийцы.

– Закройте ей рот, – раздался яростный крик, – убейте эту тварь.

– Нет. Сделаем по-другому...

Одновременно несколько человек подошли к распортертой на земле девушке. Двое схватили её за руки. Ещё трое наклонились над головой девушки и кинжалами начали раздвигать рот. При этом её не переставали насиловать. Девушке раздвинули рот. Двое вставили кинжалы ребром между челюстями таким образом, чтобы она не могла закрыть рот. А третий сунул кинжал внутрь и начал резать язык. Девушка дёргалась и глухо стонала. Из горла вырывались хрипы. Уцепившись за кончик языка, он начал резать быстрее. Из рта хлынула потоком кровь, забрызгивая лица мучителей. Наконец, все выпрямились. Один держал в руке отрезанный язык девушки, и показывал его всем. Раздался хохот. Первый насильник поднялся. Его место занял второй. Расстёгивая на ходу штаны, он улёгся на девушку. Пока он насиловал её, несколько человек наклонились над головой девушки.

– Ну, что сейчас скажешь?

После этих слов раздался истерический хохот. После каждого толчка, из рта девушки вместе с хрипом, вырывалась струя крови. Слов не было, но были глаза. И они смотрели на мучителей с... непередаваемым презрением.

Через четверть часа дом торговца грека был подожжён. Это поджег стал первым в городе и послужил сигналом для обезумевших толп убийц, мечущихся по улицам. Пожары начали вспыхивать один за другим.

Глава 3

Арут с возвышенности наблюдал за городом. Он видел, как пожары один за другим вспыхивают в городе и понял, что медлить нельзя. Он торопливо направился к опушке леса, где были спрятаны повозки и где оставались все его люди. Представ перед ними, Арут отрывисто произнёс:

– Адана горит. Даже с холма слышатся крики людей. Въезд в город никто не охраняет, что уже плохой признак. Я иду в город. Буду выводить людей. Если кто хочет остаться, я ничего не скажу. Там мы все можем умереть.

Арут оглядел лица людей. Никто не отвёл глаза. У всех был твёрдый взгляд. Арут кивнул.

– Хорошо. Но двое должны остаться охранять повозки. Остальные пойдут за мной в город.

Его взгляд упёрся в двух братьев – Вазгена и Арсена. Они с такой угрозой посмотрели на Арута, что тот молча отвернулся от них.

Выбрав двоих для охраны повозок, Арут со своими людьми, прихватив несколько ящиков патронов, немедленно двинулся в сторону пылающего города. Он выбрал восточную окраину, где подходы были не так заметны. Пригибаясь к земле, один за другим приближались фидайны к окраине. Они незамеченными добрались до небольшого оврага. Откуда до первых домов было не более трёхсот шагов. Фидайны немного передохнули и собирались двинуться дальше, когда к ним в овраг скатился какой-то человек с посиневшим лицом.

– Не убивайте меня, – сразу же закричал он на турецком языке, едва увидел вооружённых людей.

На лице фидайнов отразилось презрение. Они смотрели на этого человека, а Арут коротко спросил на армянском языке:

– Армянин?

Человек поспешно закивал головой.

– Да...да, – радости его не было предела, когда он понял, что попал к армянам.

– Что в городе твориться? – снова задал вопрос Арут.

– Убивают... всех армян убивают, – захлёбываясь, отвечал мужчина, – никого не щадят... турки везде.

– Где твой дом? Далеко?

– На окраине... здесь близко.

– Пошли, – коротко бросил ему Арут.

При этих словах мужчина попятился. На лице его был написан ужас.

– Нет...нет, я не пойду. У меня дома турки...

– Турки? – взгляд Арута мгновенно помрачнел. Он подошёл к мужчине и, взяв его за шиворот, в упор спросил:

– Семья есть?

– Да.

– Да? Так ты семью бросил и убежал?

– Их было много...

– Мразь, – Арут еле сдержался, чтоб не пустить в него пулю. Вместо этого, он, взяв за шиворот, вытолкнул его из оврага. – Показывай, где твой дом. Иди, иначе богом клянусь, убью тебя. Ты смерти достоин не меньше, чем те, кто убивают твою семью.

– Их было много,...много, – бормоча эти слова и спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, мужчина повёл их к своему дому.

Они подошли к дому со стороны сада. Перебравшись через изгородь, они начали пробираться к дому, прячась за фруктовыми деревьями. Так продолжалось до тех пор, пока из

раскрытого окна не раздался душераздирающий вопль. Услышав крик, Арут бросился внутрь дома. За ним побежали остальные. Прямо на пороге Арут встретился лицом к лицу с одним из нападавших. В глазах последнего появилось удивление, а в следующее мгновение он охнул и начал валиться на землю. Арут ударил его саблей по лицу. Ворвавшись в дом, он сразу увидел четырёх человек, которые обшаривали шкафы в доме, видимо, пытаясь отыскать дорогостоящие вещи. Не раздумывая, Арут поднял винтовку и, прицелившись, выстрелил. Один из четверых охнул. Вслед за этим за спиной Арута раздался выстрел. Один за другим оставшиеся трое повалились замертво. Почти все фидайны стояли за спиной Арута. На звук выстрелов откуда-то сверху прибежал ещё один турок. Оказавшись лицом к лицу с армянскими фидайнами, он замер от страха и ужаса. В следующее мгновение он развернулся, собираясь убежать, но его догнали, схватили и повалили на землю.

– Не убивайте, пока не узнаете, кто он и сколько людей вышли убивать на улицы города, – бросил Арут. Когда он говорил, снова раздался крик. Арут бросился по лестнице наверх и ворвался в комнату, откуда звучали крики. Увидев происходящее, Арут опустил нацеленную винтовку. В комнате лежало девять мёртвых тел. Тела двух женщин, лежащих на кровати, были обнажены. Лица обезображены. Все мёртвые тела принадлежали взрослым. Повсюду в комнате была кровь. Арут молча смотрел на мужчину, который сидел на полу и, рыдая, рвал волосы у себя на голове.

До уха Арута донёсся скрип. Он прислушался. Скрип доносился из соседней комнаты. Помедлив мгновение, он пошёл на звук. Дверь в соседнюю комнату, из которой доносился звук, была открыта. Войдя внутрь, Арут увидел своих людей. Столпившись, они безмолвно смотрели на... что-то. Раздвигая рукой своих людей, Арут двинулся вперёд. Рука Арута отодвигавшая стоявшего впереди фидай, замерла на его плече. Скрип исходил из колыбели, которая по-прежнему качалась. Края колыбели были испачканы кровью. Арут, сжав зубы, заглянул внутрь и тут же издал стон бессильной ярости. Развернувшись, он направился в предыдущую комнату. Схватив, сидевшего по-прежнему на полу, мужчину за волосы, он потащил его за собой. Арут притащил его в комнату и, держа за волосы, приподнял его и заставил смотреть на... мёртвого младенца, лежавшего в колыбели.

– Смотри, – закричал Арут, – смотри... и живи с этим!

Он бросил рыдающего мужчину и резко вышел из комнаты. Арут спустился в сад. Следом за ним спустились все двадцать три фидай. Все, молча, смотрели на Арута.

– Идём в город, – сквозь сжатые зубы процедил Арут.

Выстроившись в цепочку по одному, они начали выходить из дверей, ведущих на улицу. Улица была пуста. Они начали выдвигаться вперёд, вглубь города. Немного не дойдя до перекрёстка, они прижались к стенам. Так они и двигались, заглядывая в каждое разбитое окно и настороженно прислушиваясь к звукам. В нескольких шагах от перекрёстка слева от них послышались крики. Арут первым дошёл до угла и осторожно выглянул. Именно в этот момент около десятка убийц настигли мужчину в разорванной одежде и повалили на землю, готовясь растерзать. Издав глухой рык, Арут рванулся вперёд, даже не глядя, следуют за ним остальные или нет. Он сделал несколько выстрелов на ходу. Его люди так же открыли огонь. Раздались крики. Преследователи бросились врассыпную, оставив на земле два мёртвых тела и свою жертву, которая всё ещё была жива. Фидайны выпустили несколько пуль вслед, но преследовать не стали. Жертва оказался армянином. Он заплакал, когда увидел своих спасителей. Ему помогли подняться. Он был в крови, но пострадал не сильно.

– Бог слышит меня, – плача, говорил мужчина.

– Фидай... наши фидай... – мужчина дотрагивался рукой до их лиц и, не переставая, плакал от радости. – Скорей, умоляю вас, скорей,... спасите наших воспитанниц. Я учитель из гимназии Нерсесяна. Мы забаррикадировались изнутри, а я пошёл искать помощи. Там турки, они пытаются войти. Спасите, братья... в гимназии семьдесят воспитанниц и учителя. Мы

старые, пусть нас убьют, но они... юные, чистые... что будет, если турки до них доберутся,... умоляю вас, не оставляйте их... Учитель опустился на колени перед фидаи и молитвенно сложив руки, протянул к ним.

Арут молча поднял его.

– Веди!

Обрадованный учитель вскочил как ребёнок и изо всех сил помчался в сторону, откуда только что прибежал. За ним по цепочке бежали фидаи. Все держали винтовки наготове. Учитель вёл их по маленьким улочкам, петлявшим по всему городу. По мере движения, им попадались на пути небольшие группы бесчинствующих мародёров. Не останавливая бега, фидаи давали несколько выстрелов в их сторону. Этого хватало, чтобы они в панике разбежались. Минут через пятнадцать пути они, запыхавшись от бега, достигли узкой улочки. Улочка вилась серпантинном, спускаясь вниз, и выходила на одну из самых больших улиц города, где и была расположена гимназия Нерсесяна. В тот миг, когда отряд армянских фидаи появился на углу, большое четырёхэтажное здание гимназии было буквально облеплено со всех сторон яростно орущими убийцами. Входная дверь была взломана. Все окна на первом этаже перебиты. Из здания раздавались крики о помощи.

Учитель помертвел при виде того, что происходило с его гимназией.

– Мы опоздали, – прошептал он.

– Ещё нет... – Арут верный себе бросился вперёд, на ходу разряжая винтовку в спины сгрудившейся возле входной двери толпы. Весь отряд открыл огонь. Они стреляли, перезаряжали и снова стреляли, пока не оказались в достаточной близости от входа в гимназию. Толпа убийц всё ещё не могла сообразить, что происходит. Откуда звучат выстрелы, пока не увидела искажённые от ярости лица армянских фидаи. Фидаины, выхватив сабли, вступили с ними в рукопашный бой. Арут дрался с особенным остервенением. Он прокладывал себе дорогу к двери, убивая одного за другим. Вслед за ним и прикрывая его, рубились два брата Вазген и Арсен. За ними остальные. Они держались сплочённо, что позволило в считанные минуты раскидать всю толпу от двери. Не выдержав ожесточенного натиска, убийцы, привыкшие к лёгкой добыче, начали рассеиваться по улице, отбегая от здания гимназии. Многие из них стреляли, как попало, лишь бы прикрыть собственный отход.

Едва отряд вошёл внутрь, Арут, тяжело дыша, обратился к двум братьям:

– Охраняйте вход. Никого не пускайте. Иначе мы все умрём.

Сказав эти слова, Арут сразу же бросился по лестнице наверх и уже на подступах ко второму этажу столкнулся с группой насильников, которые волокли за собой истошно вопящих девушек в наполовину разорванных одеждах. Арут мгновенно вступил в рукопашную. Он дрался с несколькими сразу и в одно и то же время. Приходилось туго. Снизу подоспела помощь. Соппротивление насильников было сломлено. Ещё усилие и всех перебили. Откуда-то появился бледный учитель. Пока фидаи вытирали струившийся пот, он закричал:

– Убийцы, на первом этаже лежат четыре девочки,... они мертвы... им ещё пятнадцати лет не было...

– Не время, – резко оборвал его Арут, – не время мёртвых оплакивать... о живых надо думать.

С этими словами он оставил часть людей осматривать второй этаж, а сам с остальными бросился к лестнице, ведущей на третий. На лестнице никого не было. Оставив ещё троих на третьем этаже, Арут с остальными поднялся на четвёртый. Едва они вышли с лестничной площадки и свернули в коридор с множеством открытых, а местами оторванных дверей, как сразу увидели толпу убийц. Они сгруппировались возле одной двери и колотили в неё рукоятками сабель, а некоторые били в неё сломанными стульями. В ответ на каждый удар из-за дверей доносились испуганные крики и мольбы. Их было не менее двух десятков. Арут оглянулся назад. С ним оставались четверо. Он не раздумывал. Даже будь он один, бросился бы убивать

эту нелюдь. Едва он собирался ринуться на врагов, как из ближайшей комнаты раздался приглушённый вопль. Арут, не раздумывая, ринулся туда. Влетев внутрь, он на мгновение застыл. Глаза налились кровью при виде представившейся картины. На единственном уцелевшем столе лежала обнажённая девушка. Раскинутые ноги и руки были в крови. Один мужчина насиловал девушку, второй стоял у головы и постоянно бил её по лицу. После каждого толчка руки и ноги девушки сжимались в конвульсиях. Плакать она больше не могла. Девушка только издавала хрипы. Арут бросился к столу. Оказавшись возле него, он левой рукой схватил насильника лежавшего на девушке за волосы, а правой, в которой лежала сабля, со всей силы ударил второго по голове. Раздался хруст разрушаемого черепа. Со лба хлынула кровь. Сразу же после этого, Арут стащил на пол насильника и одним ударом пригвоздил его к полу. Вытащив саблю, он вновь выбежал в коридор. Пока он разбирался с насильниками, четверо его людей атаковали толпу осаждающую дверь, которая успела рухнуть. Шла ожесточённая схватка. Двое фидаи сражались вяло. Видимо получили ранение. Арут стремительно бросился вперёд, буквально врываясь в гущу врагов. С диким криком он наносил один удар за другим. Он не видел ничего кроме ненавистных лиц, которые хотел стереть с лица земли. Несмотря на ярость, ему приходилось очень нелегко. Под напором превосходящих сил, он отступил на несколько шагов. Он не оглядывался назад, откуда в любую минуту мог последовать смертельный удар.

«Только вперёд! Только вперёд!» – сверлила в мозгу Арута мысль. «Убить, уничтожить всех».

Сделав огромное усилие и собирая остатки сил, Арут издал дикий рык и, удвоив усилия, ринулся вперёд. Враги отступили. Они не понимали, откуда у этого невзрачного на вид паренька берётся столько силы. Казалось, ничто не может его сломить. Как только враги запаниковали, Арут почувствовал облегчение и с ещё большим остервенением начал биться. Одно мгновение, другое... и враги отступили и бросились к окнам в надежде спастись. Но подоспевшие с нижних этажей фидаи, довершили полное уничтожение. Наступила тишина. Арут даже не понимал, ранен он или нет. Сабля, руки, одежда, лицо... всё у него было в крови. Арут устало вытер тыльной стороной ладони обильно струившийся со лба пот и... только сейчас заметил десятки взглядов направленных в его сторону. Они принадлежали воспитанницам гимназии, которые сгрудились в той самой комнате, которую осаждали. Дверей не было, и воспитанницы видели целиком весь бой. Вместо страха... в девичьих глазах читалось... безграничное восхищение. Арут обернулся. Сзади тоже стояло несколько десятков. Несколько фидаи, учитель, ещё какая-то пожилая женщина и воспитанницы. Среди всеобщей тишины, раздался голос пожилой женщины:

– Кто ты, храбрый сын армянского народа?

– Кес Арут!

Пока вокруг него перешёптывались, Арут устало обратился к своим людям:

– Убитые есть?

– Нет. Восемь человек ранено. Один тяжело. Может умереть, если не помочь.

– У вас? – вопрос был адресован учителю.

– Ещё не знаю.

– Есть место, где можно спрятаться до темноты?

– Есть подвал! Дверь в него на первом этаже...

– Все туда. Соберите всех, возьмите раненых с собой...справляйтесь сами. Нас итак мало. Спрячьтесь в подвале. Забаррикадируйтесь изнутри. Ночью мы вас выведем из города,... если останемся живы.

– Арут, – донеслось откуда-то снизу.

Арут мгновенно ринулся к лестнице и мигом сбежал вниз. Оба брата, живые и невредимые, стояли у двери. Арут с облегчением было вздохнул, но тут же пригнулся. Град пуль пронёсся рядом с ними. Гимназию начали обстреливать. Арут, пригибаясь, подошёл к одному

из окон и осторожно выглянул из него. Метрах в четырёхстах от гимназии сосредоточились порядка двухсот человек. Эти люди, несомненно, были военными. Все были в униформе. Но не это было главной неприятностью. Военные подтягивали оружие и боеприпасы, видимо, собираясь стрелять прямой наводкой по гимназии. Арут вернулся обратно.

– У нас не больше десяти минут, – отрывисто бросил он двум братьям, – будьте пока здесь.

Арут бросился снова наверх, на четвёртый этаж. Там всё ещё обсуждали что делать.

Арут с ходу обратился к учителю:

– Хватит разговаривать. Через несколько минут в здание войдут турки. Немедленно все в подвал, иначе смерть.

Он не стал говорить про оружие, чтобы не пугать людей. Его слов и так хватило, для того чтобы все вокруг засуетились. По несколько девушек одновременно брали одного фидаи и несли. Меньше минуты прошло, а никого на этаже не осталось. Арут подбегал ко всем окнам и выглядывал. Каждый раз у него вырывались проклятия. Наконец, возле одного из них, у него вырвался радостный возглас. Он бегом спустился на третий этаж и, подойдя к одному из окон, выглянул наружу. В метрах четырёх, прямо напротив окна, начиналась крыша двухэтажного дома. Следом за этой крышей, примыкая друг к другу, чередовались десятки крыш. Это был, несомненно, путь к спасению. Но как преодолеть эти метры?

Арут бросился на первый этаж. Он сразу же по шуму определил, где дверь в подвал. Она была в самом конце коридора, за углом. Раненых уже вносили внутрь.

Арут остановил учителя.

– Есть длинная лестница?

– В подвале должна быть, а что?

Арут вместе с учителем спустился в подвал. Он оказался довольно обширным. Возле одной из стен действительно лежала лестница. Арут примерился взглядом. «Должно хватить» – подумал он.

Вдвоём с учителем они вынесли лестницу наружу. Арут криками собрал всех фидаи возле подвала. Даже оба брата пришли. У дверей никто не оставался. С учётом развивающихся событий, в этом не было необходимости. Арут велел Арсену принести какой-нибудь шкаф. Пока тот бегал за шкафом, все вошли в подвал. Последним входил учитель. Арут задержал его.

– Если услышите грохот, не пугайтесь, – предупредил Арут, – закройтесь изнутри и не выходите. Снаружи мы на всякий случай приставим шкаф, чтобы никто не догадался о существовании этой двери. Ну, с богом!

Прежде чем нырнуть внутрь, учитель сжал руку Арута. Арут ему ободряюще кивнул. Дверь закрылась. Появился Арсен со шкафом. Шкаф приставили к двери. Изнутри послышался шум. Видимо, там начали укреплять дверь. С Арутом оставалось ещё пятнадцать человек. Все они, схватив лестницу, ринулись вслед за ним. На третий этаж. Расположившись у нужного окна, Арут объяснил, что нужно делать. Два брата взялись за дело. Они, ухватившись за края лестницы, начали выдвигать её в окно. Скользя по подоконнику, лестница уходила всё дальше и дальше. Наконец, к общему облегчению, её край достиг спасительной крыши. Второй край остался лежать на подоконнике. Вазген, цепко ухватившись за обе ножки лестницы, кивнул брату. Тот, несмотря на богатырское сложение, вскочил на окно, и ловко перебирая ногами, двинулся вперёд. Деревянные перекладины скрипели, лестница прогибалась под ногами. Но, тем не менее, Арсен благополучно добрался до крыши. Спрыгнув с лестницы, он ухватился за края с другой стороны, обеспечивая более безопасный переход своих товарищей. Один за другим, фидаи перебрались на соседнюю крышу. Арут перебирался последним. В гимназии уже никого не было. Лестница под ним шаталась. Не раз его подмывало посмотреть вниз, но он каждый раз сдерживался. Как только он оказался на крыше, все вздохнули с огромным облегчением.

– Спрячьте лестницу, она ещё может понадобиться, – коротко бросил Арут, а сам начал оглядываться в поисках места, где можно было спрятаться. В этот миг раздался грохот. Снаряд разнёс часть четвёртого этажа. Куски камней полетели в их сторону.

– Началось, бежим! – Арут бросился вперёд. Раздался ещё один выстрел. Он увидел открытую дверцу чердака на соседней крыше. Из неё вылетали голуби. Через минуту все фидаи сидели внутри, сбившись в кучу и слушали канонаду. В эти бесконечные несколько часов им удалось выжить. Что их ждало впереди, никто не знал.

Глава 4

1 апреля 1909 года

В кольцо

Около семидесяти человек, включая раненых, содрагались всякий раз, когда наверху, над ними происходил страшный грохот. Едва ли ни ежесекундно звучали глухие удары об потолок подвала и притом такой силы, что казалось ещё один такой удар и всё обрушится. Все как один, обливаясь холодным потом, смотрели на потолок, от прочности которого зависели и жизни. Это продолжалось несколько минут, потом неожиданно всё стихло. Ещё через несколько минут они различили множественный топот ног. До них доносились обрывки фраз на турецком языке. Часто произносились слова «армянский разбойник». Видимо, искали отряд, который взял штурмом гимназию. До них, по всей видимости, не было никому дела. Или же они могли посчитать, что все ушли вместе с отрядом. Около двух часов все вздрагивали от любого шороха наверху, затем всё стихло. Видимо, все ушли и оставили, наконец, их в покое. Едва всё стихло, как все бросились хлопотать над ранеными. Раны заново перевязывались. Для этой цели в ход шло всё, включая одежду. Устраивали их как можно удобней на старых матрасах, в огромном количестве находившихся в подвале. Здесь было очень много различной утвари, но не было самого главного – еды. И, тем не менее, сейчас об этом никто и не вспоминал. Самым важным являлось, как можно быстрее облегчить страдания раненых. Задача почти невыполнимая, если принимать в расчёт то, что у всех были пулевые ранения различной тяжести. Раны обмывались и накрепко перевязывались. После этого, по две три воспитанницы садились у изголовья раненого. Одна гладила его по голове, другие брали руки раненого в свои и, шепча ласковые слова, пытались успокоить. Ничего другого не оставалось. Следовало ждать, ждать, пока не наступит возможность покинуть подвал.

Начались тихие разговоры между воспитанницами и ранеными. Учитель, всё время хлопотавший над пожилой женщиной, состояние которой немногим отличалось от состояния раненых, подошёл к тяжелораненому фидаи. Тот не подавал признаков жизни. Учитель встал на четвереньки и приложил ухо к его груди. Сердце раненого слабо билось. Но всё ещё билось. Он облегченно вздохнул и, встав с колен, оглянулся. Почти все его воспитанницы находились возле раненых.

– Никто не думает о себе, – с некоторой радостью и гордостью подумал учитель, – а ведь они только что потеряли двенадцать своих подруг. Некоторые из воспитанниц подверглись жестокому насилию и, тем не менее, ...они не думали о своём горе. Таков наш народ. И пока он такой, никто не сможет сломить его. Нас будут убивать, а мы раз за разом будем подниматься. Мы отстоим своё право на жизнь и свободу. Мы отстоим своё право на уважение, которое заслуживает любой человек независимо от веры и национальности. Мы никогда не встанем на колени перед нашими убийцами. Никогда... – учитель осёкся, увидев множество направленных на себя взглядов. До него не сразу дошло, что он размышлял вслух.

– Самвел джан, – раздался тихий голос из угла.

Учитель повернулся лицом к пожилой женщине. У той в глазах стояли слёзы.

– Я умру счастливой, потому что воспитала такого сына как ты, – прошептала женщина.

После этих слов возникла тишина. Каждый думал о себе и в то же время обо всех. Больше всех переживал учитель Самвел. Слова матери задело самое сокровенное в душе. Чтобы как-то скрыть своё состояние, он обратился к одному из раненных:

– Мы до сих пор не знаем, кого благодарить за спасение наших жизней.

– Мы из отряда Сепуха – послышался прерывистый ответ. Раненому тяжело было говорить.

– Слышали о таком, – учитель Самвел кивнул головой, – он в Эрзеруме. Далеко же вы добрались. Даст бог, вы поправитесь. Даст бог, все ваши друзья спаслись и прячутся сейчас в надёжном месте.

Самвел, впрочем, как и его мать и воспитанницы, с удивлением смотрел на горделивые улыбки раненых. Он не понимал, чем вызвана эта радость. Вроде, он ничего такого не говорил. Всё разъяснили слова одного из раненых.

– Не будет такого, чтобы Кес Арут прятался, когда вокруг него убивают людей!

Немногим ранее на чердаке, где прятался немногочисленный отряд, состоялся короткий разговор.

– Надо дожидаться ночи, забрать людей и уходить из города, – предложил один из фидаинов.

В ответ на эти слова Арут, не проронивший ни одного слова, начал собираться. Он проверил затвор винтовки. Затем набил патронташ патронами. Затем вытащил из ножен саблю и вложил обратно. После этого он поднялся, собираясь выйти.

– Ты куда, Арут? – окликнул его один из фидаинов.

– Пойду в город! – последовал ответ. Тон ответа не допускал возражений. Но, тем не менее, ему возразили:

– Это глупо, Арут. В городе тысячи убийц. Да к тому же, о нас уже знают и наверняка ищут. Только выйдем, и нас убьют!

– А вам никто не говорит, чтобы выходили. Оставайтесь, я один пойду.

– Так не пойдёт, если идти так всем вместе...

Один за другим фидаины начали подниматься. Когда поднялись оба брата, Арут коротко и категорично произнёс одно слово:

– Нет!

– Нет? – возмутился Арсен. – Как это – нет? Ты не можешь нам запретить идти.

– Не могу, – согласился с ним Арут и продолжал: – Но подумай сам, брат Арсен, если мы все умрём, кто выведет этих девочек из города? Кто поможет раненым?

В ответ на эти слова, Арсен опустил голову.

– Вы с братом останетесь. Будете ждать до поздней ночи. Если мы не вернёмся, уйдёте без нас. Хорошо?

Оба брата кивнули в ответ. И когда уже остальные покидали чердак, оба в один голос прошептали: «Храни вас бог!»

Выйдя с чердака, Арут первым делом осмотрелся вокруг. Первое, что бросилось ему в глаза, была гимназия Нерсисяна, вернее то, что от неё осталось.

Крыша гимназии полностью отсутствовала. Начиная от второго этажа и вплоть до четвёртого, ровно посередине была снесена одна секция. Вместо неё зияла пустота. Все двадцать четыре оконные ниши оставались более или менее целыми, хотя ни одного стекла, ни одной оконной рамы не было. Сохранилось и одинокое дерево перед гимназией. Между ним и зданием лежала груда обломков. Кое-где вспыхивал огонь, но он не мог причинить вреда людям, прятавшимся в подвале. Людей в самом уничтоженном здании гимназии не было, но недалеко от здания всё ещё стояло артиллерийское орудие. Возле него была какая-то суета: видимо, его собирались увезти. У Арута на мгновение мелькнула безумная мысль отбить орудие, но он тут же выбросил её из головы. Рядом с ним всё ещё оставалось много военных. Арут посмотрел в противоположную сторону. Там горели сотни домов. Но большая часть домов всё ещё оставалась нетронутой. Он оглянулся на своих людей и показал в направлении горящих домов. Те в ответ кивнули головой. Перебегая с крыши на крышу, отряд двигался среди всеобщего хаоса,

выискивая тех, кто более всего нуждался в помощи. Где-то справа от них слышались крики. Арут остановился и подошёл к дымоходу, который выступал у самого края крыши. Опёршись на него, он заглянул вниз. Во дворе шла ожесточённая борьба. Горстка людей, среди которых были несколько женщин, изо всех сил отбивались от толпы озверелых убийц. Аруту понадобилось несколько секунд, для того чтобы оценить обстановку. Он махнул рукой, подзывая к себе отряд. Через минуту, расположившись на краю крыши, они открыли прицельный огонь по спинам нападающих. Раздались вопли. Последовал общий залп. Несколько человек осело на землю, остальные бросились на улицу. При этом они едва ли не давили друг друга. Из-за того, что вся масса одновременно пыталась пролезть через узкую арку, которая служила выходом со двора на улицу, отряд успел сделать ещё несколько выстрелов. Сразу после этого они перебежали на другую сторону крыши и стали вести огонь по мечущимся фигурам. Сделав ещё несколько выстрелов, Арут остановил стрельбу. Патроны следовало беречь. Неизвестно, что их ожидало впереди. Он вернулся к дымоходу и, свесившись с края, свистнул. Люди, которые всё ещё не понимали, какому чуду они обязаны своим спасением, одновременно подняли головы.

– Будьте ночью вблизи гимназии Нерсесяна. Мы выведем вас из города, – крикнул им сверху Арут.

– Друг, брат, – одновременно раздались слова на армянском и греческих языках, но Арута и след простыл. Он с остальными двинулся дальше. Едва они это сделали, как внимание отряда привлёк сильный пожар, разгорающийся метрах в ста от них. Пламя выбивалось из под крыши и готово было обрушить дома. Огонь становился непреодолимой преградой. Надо было спускаться вниз. Арут остановил отряд, раздумывая, что делать дальше. На улицу прыгать опасно. Высоко, можно повредить ноги. Следовало найти спуск. Быстро обследовав близлежащую крышу, он пришёл к выводу, что единственное безопасное место – это двор одного из домов. Там, прямо под крышей, находился балкон, который был сооружён по всему внутреннему периметру двора. От крыши до балкона едва ли было более трёх метров. Решение было принято. Помогая друг другу, фидайны один за другим свешивались с крыши и спрыгивали на балкон. Пока они спускались, снова начали раздаваться крики о помощи. Но их было так много, что невозможно было понять, откуда именно они исходят. Отряд прошёл по всему периметру, но так и не нашёл способа как спуститься вниз. Все двери были закрыты. Не было заметно ни одного человека, ни во дворе, ни где бы то ни было. Они остановились в смятении, не зная как поступить. Оставалось взламывать двери и искать выход. Огонь грозил перебраться к ним в ближайшее время. Едва они об этом подумали, как рядом с ними раздался скрип. Они одновременно повернулись на звук и увидели открытую дверь. В дверь высунулась голова преклонной старухи. Она коротко осмотрела их, и уже потом спросила:

– Фидаи?

Все кивнули.

– Вас бог послал. Идите скорей за мной, – старушка исчезла за дверью. Чуть помедлив, туда вошёл Арут, а за ним все остальные. Они оказались в маленькой комнатке. Старуха взяла трость и, опираясь на нее, поспешила к единственной двери из комнаты. Отряд молча последовал за ней. Таким образом они прошли несколько маленьких комнат, следующих друг за другом. Затем вышли в маленький коридор. Из коридора снова вошли в какую-то квартиру с маленькими комнатами. До них начали явственно доноситься крики, молящие о помощи. Старуха снова вывела их в коридор и подвела к одинокой двери. Затем перекрестила всех и ушла. Арут осторожно приоткрыл дверь. Перед ним была пустая комната с выбитыми окнами. Войдя внутрь, он подошёл к одному из окон. Зрелище, представившееся взгляду Арута, заставило его вздрогнуть. Перед ним находился в точности такой же балкон, на который они спрыгнули. В крайнем левом от него углу полыхал сильный огонь. В нескольких метрах от огня с обеих сторон балкона толпилось несколько десятков человек. Среди них были женщины и дети. Они были окружены озверелой толпой турок, которые размахивали ножами и саблями, выкрикивая

при этом непристойные ругательства в адрес армян. Арут удивлённо поднял взгляд. Ему показалось странным, что турки не нападали и не убивали, а только теснили беззащитных людей. Едва он об этом подумал, как ярость начала застилать ему глаза. Он понял, почему их не убивают. Их просто хотели сбросить в огонь и сжечь живьём.

– Половина на одну сторону, другая на вторую, – отрывисто бросил Арут и первым полез через окно на балкон.

Выстрелы прозвучали неожиданно. Фидаи стреляли так быстро, как только могли. Они отчётливо понимали, что вчетверо превосходящая их толпа убийц хлынет на них. Им некуда было деться. Впереди огонь. Оставалось только пройти через них. Один за другим убийцы валились замертво. Им удалось вызвать панику внезапной атакой, однако ситуация была не из лёгких. Топча мёртвые тела своих товарищей, убийцы бросились на фидаинов. Фидаины стреляли и отступали назад, затем, когда расстояние сократилось до минимума, сделали бросок вперёд, пуская в ход штыки. Натиск был столь сокрушающий, что убийцы уверенные в своей близкой смерти, стали залазить в разбитые окна и спрыгивать с балкона. Паника среди них была столь необузданной, что фидаины без труда добились жалкие остатки этих ничтожеств. Они не стали никого преследовать. В этом не было никакого смысла. Они остановились и оглядели поле битвы. Победа была полной. Из его людей лишь двое были легко ранены ножами. Никто и не думал атаковать их. Оставшиеся в живых убийцы сбежали с поля битвы так быстро, как только могли. Арут дал всем несколько минут отдыха. Он отчётливо понимал: им следует постоянно и быстро передвигаться по городу, иначе они не только никому не помогут, но и сами сломают головы. Пока они переводили дух, к ним начали подходить спасённые люди и со слезами на глазах целовать им руки.

– Достаточно, хватит, – прикрикнул на них Арут, – перестаньте целовать нам руки. Лучше покажите выход отсюда. Так вы больше поможете нам.

Среди спасённых сразу возникла суета.

– Арут, – один из фидаинов показал пустой патронташ. – У многих кончались патроны.

– Дело – дрянь, – пробормотал вслух Арут, – без патронов мы долго не продержимся.

– Я знаю, где можно найти патроны, – раздался мальчишеский голос. Вперёд вышел мальчишка лет десяти и указал куда-то рукой. – Там есть военные склады. Там полным полно патронов и лошади есть.

– Лошади? – не понял Арут.

– На лошадях вы не устанете. Вам не придётся отдыхать как сейчас, – пояснил мальчик.

Фидаи рассмеялись, несмотря на серьёзность обстановки. Арут опустил на корточки и, взяв мальчишку за плечи, спросил:

– Ты покажешь нам, где взять патроны... и лошадей?

– Покажу, я каждый день там играл. Проведу вас так, что ни один турок не увидит, – последовал важный ответ.

Прежде, чем уйти вслед за мальчиком, Арут громко обратился к спасённым людям:

– Будьте ночью возле гимназии Нерсисяна, мы выведем вас из города. Если вы останетесь, то неминуемо погибнете. С этими словами фидаи простились и последовали в одну из дверей вслед за мальчиком.

Вскоре им всем, в том числе и Аруту, пришлось пожалеть, что они последовали за мальчиком. Он вёл их по каким-то заброшенным дворам. Им пришлось пролезать через какие-то дыры в заборах. После этого прошли через кучу угля, отчего лица всех стали почти чёрными. И в конце мальчик заставил их зайти в какую-то трубу. Сгорбившись в три погибели, фидаины едва успевали за прытким мальчиком. Наконец и труба закончилась. Перед ними была большая грязная лужа. И сразу за ней начинался густой ряд кустарников. Мальчик показал рукой вперёд, на кустарники.

– Патроны там, а лошади... – рука мальчика двинулась левее, – там.

– Как тебя зовут? – Арут снова присел перед мальчиком.

– Арам!

– Спасибо тебе, Арам! А теперь возвращайся обратно, и спрячься где-нибудь! – Арут поднялся и двинулся в сторону кустов.

– И тебе спасибо, Кес Арут!

Арут остановился и устремил на мальчика удивлённый взгляд, не понимая, откуда тому известно его имя. Один из фидайнов улыбнулся.

– Это я сказал ему твоё имя!

Арут, услышав ответ, повернулся и направился к кустам. Он почти никогда не оглядывался назад. Но всегда знал, что за его спиной находятся боевые товарищи. Перебравшись через лужу, они легли на землю и ползком начали пробираться через кусты. Колючки цеплялись за одежду и царапали руки. Но никто на это внимания не обращал. Они целенаправленно пробирались вперёд.

– Пожалуйста...

Фидай невольно замерли и прижались к земле. Голос прозвучал совершенно отчётливо.

– Пожалуйста, господин, не убивайте меня... я всё сделаю... господин.

Голос, несомненно, принадлежал мужчине. Арут прислушался. Рядом раздались какие-то хрипы, за ними непонятные звуки. Арут двинулся вперёд и через несколько мгновений достиг переднего ряда кустарников. Сквозь просветы в листве он отчётливо увидел несколько больших одноэтажных строений. Левее от него находилось длинное здание. Видимо, это и была конюшня. Рядом с ней бродили несколько десятков полуодетых военных. Прямо напротив была сооружена... по всей видимости, казарма. Из открытых окон доносились голоса. А правее... Арут повернул голову вправо и тут же со всей силы воткнул пальцы в землю и, захватывая её, рука начала сжиматься в кулак. Метрах в десяти от него он увидел троих мужчин. Один был обнажён и крепко накрепко связан. Но, тем не менее, и руки и ноги дёргались в непрерывных конвульсиях. Это происходило оттого, что... оба других склонились над ним. Один держал несчастного за плечи, другой отрезал ему голову большим ножом. Кровь била струями. Но на неё не обращалось никакого внимания. Мужчина, полуодетый военный, кропотливо продолжал свою работу.

Арут сделал попытку встать, но его удержали сразу несколько рук. Возле уха раздался шёпот:

– Их много. Нас убьют.

Арут собрал все свои силы, чтобы утихомирить ярость, которая бушевала в его груди. Он сдерживался, но не в силах был оторвать взгляда от жертвы и двух палачей. Наконец, жертва затихла. Оба военных поднялись. Один держал за волосы отрубленную голову. До уха Арута донеслись слова, произнесённые на турецком языке:

– Как думаешь, это грек или армянин?

Услышав эти слова, Арут, от ярости перестал осознавать происходящее. Рука вцепилась в эфес сабли. Он поднялся во весь рост и двинулся на мясников. Его не заметили, тогда Арут прерывающимся от ярости и гнева голосом громко произнёс на турецком языке:

– Повернись, турок, и ты увидишь армянина!

Оба военных только и успели обернуться и посмотреть на Арута. В мгновение ока Арут обоих раскромсал саблей. Подобрал у одного из них револьвер, Арут сбросил с плеча винтовку. Держа в левой руке револьвер, а в правой саблю он двинулся к казарме... Пока он оставался незамеченным, но это не могло длиться долго. Фидай звали его вернуться обратно, говорили, что это безумие, но... Арут никого и ничего не слышал. Огонь, который в нём полыхал, могла остановить только смерть.

У входа никого не было. Арут вошёл в казарму. Едва он оказался внутри, на него уставились несколько удивлённых пар глаз. Военные, занимающиеся повседневными делами, с удивлением смотрели на странного парня с кровавыми глазами. В воздухе раздался шипящий свист: – Грек или армянин?

Ближайшего к нему военного Арут зарубил саблей. В остальных начал стрелять из револьвера. Раздались громкие крики. А вслед за ними призывы взяться за оружие. Уложив четверых, Арут двинулся дальше. Один за другим выбегали растерянные военные и попадали под яростные удары. Арут бил и бил саблей, не видя ничего вокруг. Затем он вошёл в оружейную и забрал целую охапку винтовок и коробку патронов к ним. Всё это он положил возле одного из окон, ведущих во двор. К казарме уже подбегали около полусотни вооружённых солдат.

– Грек или армянин?

Арут повёл интенсивную стрельбу из окна, вынудив солдат прижаться к земле. В ответ начали раздаваться прицельные залпы. Пули свистели рядом, но Арут не обращал на них ни малейшего внимания. Раз за разом он высывался, и раз за разом стрелял в солдат. Он не видел, или не хотел видеть, как солдаты, стреляя, подползают всё ближе и ближе к казарме.

– Грек или армянин? – в который раз повторял Арут. – Убью всех!

Он перебежал к другому окну и продолжал стрелять в подползающих солдат. Ситуация становилась критической. Арут понимал, что ещё немного и солдаты ворвутся внутрь. Сделав ещё несколько выстрелов, Арут схватил одну из винтовок. Держа её наперевес, он двинулся к выходу.

– Смотрите, сволочи, как умирают армяне, – сквозь сжатые зубы проговорил Арут. Он уже выходил к солдатам, когда раздавшийся сокрушительный взрыв, отбросил его к противоположной стене. Крики, треск огня, ржание коней... всё перемешалось. Арут, шатаясь, поднялся, пытаясь унять страшный звон в ушах. Откуда-то издали до него доносился крик:

– Арут, Арут!

Арут схватился двумя руками за голову, пытаясь унять этот звон и осмыслить происходящее. Но ему не дали это сделать. В окне показались головы двух фидайнов. Они скользнули внутрь, схватили Арута под руки и буквально выволокли через окно. Затем его посадили в седло, а дальше... он перестал понимать, чувствуя, что проваливается в какую-то бездну.

Несколькими часами позже, – глубокой ночью, – тяжело раненного Арута, вместе с остальными ранеными, вывезли из города. В эту ночь город покинули более пятисот горожан. Это были в основном женщины и дети. Их уход сопровождали фидайи из отряда Сепуха.

Глава 5

Константинополь 14 апреля 1909 года
Посольство России

Моложавый мужчина в форме полковника, скрестив руки, стоял в небольшой комнате. Рядом стоял стол с телеграфными аппаратами. Телеграфист, сидевший за столом, повернув голову в сторону полковника, ожидал его слов.

– Шифровка в Генеральный штаб контрразведки, – негромко, но отчётливо произнёс полковник. Сразу после этих слов, раздался стук.

– Докладываю вашему превосходительству. Полученные сведения заставляют предполагать самое худшее в намерениях Османской империи по отношению к России. Имеются доказательства, что в настоящий момент ведутся тайные переговоры между правящей партией Османской империи «Единение и Прогресс» с правительством Германии. Доподлинно известно, что планы, которые обсуждаются на оных переговорах, в том числе и военные, имеют целью нанести вред России. Отмечаю особую угрозу для России, исходящую от правительства Османской империи. Есть доподлинные сведения о том, – полковник сделал небольшую паузу и продолжал тем же отчётливым голосом, – что министерство внутренних дел, возглавляемое Талаат пашой, правящая партия «Единение и Прогресс» при непосредственном участии военного министерства и с участием министра обороны Энвера паши, в полной секретности создали две организации: «Тешкилат» и «Махсусе».

Задача первой организации, которую возглавляет уже известный нам Аскери Сулейман Бей – вести подрывную, шпионскую деятельность среди мусульман России с целью ослабления могущества нашей империи, а впоследствии и создание на территории России ряда независимых мусульманских государств.

Задачи второй организации, который возглавляет Бехаэтдин Шакир, под прикрытием реформ и переустройства уничтожать внутренних врагов империи, коими считаются все те, кто не является мусульманином. В особенности, это касается армянского населения империи, которое, как известно, является многие годы верным другом и союзником России.

С опасением и тревогой докладываю о тайных действиях этой организации. Ибо уже сегодня они спешно вооружают местное население. В особенности городских дадашей, которые известны своей необузданностью и ненавистью к армянам. Известны так же случаи умышленного освобождения из тюрем лиц мусульманского происхождения, осуждённых за тяжкие преступления. Для каких целей это делается, пока выяснить не удалось.

Полковник дождался, пока шифровка была полностью передана, и только после этого покинул комнату. В то время, когда полковник покидал комнату, к послу входил дежурный офицер с пакетом в руке.

– Ваше превосходительство, донесение от генерального консула из Эрзерума!

Зиновьев, не переставая писать и не поднимая головы, указал дежурному офицеру на стол. Положив донесение, офицер развернулся и вышел из кабинета.

Зиновьев макнул перо в чернильницу, собираясь продолжить писать, но остановился и, подняв исписанный лист, бросил взгляд на запечатанное донесение из Эрзерума. Некоторое время Зиновьев раздумывал, ... затем осторожно отложил начатое письмо, наверху которого было выведено большими буквами:

«Министру иностранных дел Извольскому от русского посла в Константинополе».

И взяв донесение, быстро распечатал его. Генеральный консул в Эрзеруме писал:

«Положение в самом Эрзеруме и в Эрзерумском Вийалете целиком остаётся крайне напряжённым и опасным. Особое беспокойство вызывает тяжёлое положение коренного

армянского населения. Известны многочисленные случаи ущемления армян. В частности известны факты зверских убийств, сожжения деревень, многочисленных безосновательных избиений, а так же беспричинного отбора имущества у этих людей.

Наблюдая за действиями городских властей, создаётся впечатление, что армяне для них нечто вроде скота и не более.

С опасением и тревогой докладываю о тайных действиях властей города. Ибо уже сегодня они спешно вооружают местное население. В особенности, городских дадашей, которые известны своей необузданностью и ненавистью к армянам. А так же поставляют оружие местным племенам курдов. Известны так же случаи умышленного освобождения из тюрем лиц мусульманского происхождения, осуждённых за тяжкие преступления. Для каких целей это делается, остаётся неясным».

– Остаётся неясным! – повторил Зиновьев последние слова донесения. Он свернул послание и сунул в один из ящиков массивного стола. Затем он запер ящик на ключ. А ключ сунул во внутренний карман пиджака. Зиновьев посмотрел на часы. Они показывали без четверти восемь. «Время ужина, – подумал Зиновьев, – Катенька, наверное, уже ждёт. А есть не хочется. Нужно составить доклад министру. А как это сделать, если обстановка чуть ли не с каждым днём меняется».

– Ваше превосходительство!

Зиновьев оторвался от своих размышлений и посмотрел на дверь, из которой вновь появился дежурный офицер.

– Ашот Эгоян – представитель армянской общины Константинополя – просится к вам на аудиенцию.

Зиновьев улыбнулся, услышав эти слова. Он лично знал Эгояна и глубоко уважал этого человека. Он всегда был рад встрече с ним.

– Просите!

Через несколько минут в кабинет вошёл человек приблизительно одного возраста с Зиновьевым. Эгояну исполнилось 50 лет. Это был невысокий лысоватый мужчина с густой бородой и со спокойным лицом. Эгоян был одет в незамысловатый пиджак с галстуком. В руках он сжимал шляпу.

– Господин Эгоян!

– Ваше превосходительство!

Приветливо улыбаясь, Зиновьев вышел из-за стола и пошёл навстречу Эгояну. Они крепко пожали руки друг друга. После этого Зиновьев проводил Эгояна до своего стола и, пригласив занять свободное кресло, сам прошёл к своему.

Ещё до того как разговор начался, Зиновьев ощутил лёгкое беспокойство. Что-то в облике Эгояна беспокоило посла. Что именно – он не знал, но понял, что и на сей раз предчувствие не обмануло его, едва прозвучали первые слова Эгояна.

– Уезжаю. Проститься пришёл! – коротко сообщил Эгоян, нервно теребя держащую в руках шляпу.

– Жаль, – протянул Зиновьев; ему действительно было жаль терять такого интеллигентного собеседника, спокойного и рассудительного. – Далеко собрались, господин Эгоян?

– Пока в Эрзерум, господин посол. Дальше будет видно. Я в партию «Дашнакцютюн» вступил. Буду выполнять поручения партии.

– Вы шутите? – обескураженный услышанным, Зиновьев аж привстал с кресла. – Вы учитель, человек, который всю свою жизнь призывал к миру и дружбе... вступили в ряды одной из самых экстремистских группировок!?

– Я больше не верю в мир и дружбу, – Эгоян отвечал тихо.

Зиновьев пристально рассматривал лицо Эгояна, пытаясь понять, что заставило совершенно безобидного человека вступить в ряды военизированной группы боевиков. Однако ничего на ум не приходило.

– Почему, Ашот? – Зиновьев смог задать лишь этот вопрос.

– Почему? – Эгоян поднял на него потерянный взгляд и коротко выдохнул одно слово: – «Адана».

– Адана? Что это значит?

– Так вы ничего не знаете, господин посол?

– А что я должен знать?

– Этого города больше нет!

– Как нет? – Зиновьев вскочил с места и в крайнем волнении повторил: – Как нет? Что вы говорите, Ашот?

– Город уничтожен. Всё армянское население вырезано. Вот так, господин посол. И грош цена 61 статье Берлинского договора. Правительство по-своему разобралось с «Армянским вопросом». – В голосе Эгояна чувствовалась глубокая горечь.

Зиновьев в крайне нервном состоянии вернулся на своё место. Услышанное производило тяжелое впечатление. Он вытащил из чернильницы перо и, теребя его в руках, слушал Эгояна.

– После событий 1895 года я был в числе тех, кто призывал к миру и согласию. Я был уверен, что подобное не повторится. Я призывал к дружбе с турками. Я, как и многие другие, жестоко ошибался. Они не успокоятся до тех пор, пока не уничтожат последнего из нас. Они уничтожают армянский народ. И Адана лучшее тому доказательство. Избиения, грабежи, изнасилования, убийства армян происходят по всей империи. Я не буду ждать, пока ко мне домой придут убийцы и на моих же глазах уничтожат всю мою семью. Нет. Я возьму в руки оружие и буду уничтожать врагов нашего народа. Отныне – только этот путь остался у нас.

– Ашот, вы отдаёте себе отчёт в том, что такой путь может ухудшить обстановку в империи?

– Хуже некуда, ваше превосходительство. Благодарю, что выслушали и позвольте откланяться.

Зиновьев не стал задерживать Эгояна. Не стал задаваться вопросом о том, для чего нужен был этот странный визит. Скорее всего, это была обычная вежливость со стороны Эгояна. Он оставался учтивым и культурным человеком, несмотря на резкую перемену взглядов.

Поклонившись, Эгоян покинул кабинет, оставив Зиновьева в глубоких раздумьях. Размышления продолжались недолго. Зиновьев с некоторой поспешностью написал несколько писем. Запечатав письма, он вызвал дежурного офицера. Вручая ему письма, Зиновьев коротко произнёс:

– Секретно. Первое письмо в Санкт – Петербург, министру иностранных дел. Второе – в Тифлис, генерал квартирмейстеру. Третье – титулярному советнику Шелковникову с приказом немедленно отправиться в Адану и составить полный отчёт о происходящих событиях. И ещё... – Зиновьев остановил уходящего офицера, – будьте любезны, сообщите Талаат паше, что я хотел бы встретиться с ним.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Оставшись один, Зиновьев вновь возвратился на своё место. Он и думать забыл об ужине. Ситуация крайне обострилась. Хотя в Константинополе пока не было и следа каких-либо беспорядков. Тем не менее ситуация в вилайетах оставалась очень тяжелой. И особенно остро вставал вопрос об армянском населении. Что им грозило? Настолько ли велика опасность? И насколько могут оказаться правдивы слова Эгояна о том, что существует реальная угроза уничтожения народа? Донесения из провинций косвенно подтверждали эти опасения, однако представители правительства и в первую очередь министерства внутренних дел, категорически

отрицали какой-либо злой умысел в отношении армян. Наоборот, они всячески подчёркивали свою непричастность к происходящим событиям.

– Что же на самом деле происходит? – пробормотал в задумчивости Зиновьев. – И что же на самом деле произошло в Адане? Я склонен полагать, что Эгоян существенно преувеличил масштабы трагедии.

Глава 6

Покинув посольство, Ашот Эгоян отправился в дом своего близкого друга, писателя Тиграна Чеокюрана. Уже совсем стемнело, когда Эгоян постучался в дом друга. Двери престижного двухэтажного особняка раскрылись, едва был услышан голос Эгояна. Мать писателя почтенная Ареват самолично встретила Эгояна.

– Какое горе, Ашот джан, какое горе, – с этими словами, почтенная женщина обняла Эгояна.

А чуть позже появился и молодой Тигран. Он был вдвое моложе Эгояна но, тем не менее, между ними возникла крепкая дружба. Едва прошли первые объятия, как почтенная Ареват и Тигран Чеокюран проводили гостя в гостиную. В гостиной уже находилось человек пятнадцать молодых людей. Парней и девушек. Они сидели вокруг стола, пили чай и о чём-то с жаром спорили.

Присутствующие с энтузиазмом встретили приход Эгояна. Многие из присутствующих были наслышаны об Эгояне. Несколько человек сразу потеснились за столом, давая ему место. Сам Тигран остался стоять, а его мать как всякая добрая хозяйка захлопотала за столом. Едва Эгоян оказался за столом, как на него обрушился град вопросов. Большей частью касающиеся происходящего в Адане. Эгоян только и мог, что переводить растерянный взгляд от одного к другому.

– Помолчите же, наконец! – голос принадлежал девушке с весьма решительным лицом. Она поневоле обратила внимание Эгояна. Дождавшись относительной тишины девушка, наконец, задала интересующие её вопросы.

– Господин Эгоян, ответьте нам, что намерена предпринять ваша партия в связи с событиями в Адане? Мы снова будем искать справедливости у всякого рода пашей и европейских эмиссаров? Или, наконец, ответив подлым убийцам так, как они заслуживают?

Эгоян думал недолго.

– Ответим. Всем, чем сможем. К сожалению, наши возможности не велики. К тому же, случившаяся трагедия не смогла образумить константинопольских армян. Они ведут себя так, словно эта беда их не касается. Они не понимают, что время бездействия закончено. Они наивно считают, что армяне получают равные права с местным населением.

– А как считает партия «Дашнакцютюн»? – задала вопрос всё та же девушка.

– Мы считаем, что всем армянам пора взяться за оружие. Мы полагаем, что Адана всего лишь начало. Дальше будет гораздо хуже, – Эгоян отвечал подробно, стараясь донести те чувства, какие испытывал сам.

– Скажите, господин Эгоян, правдивы ли слухи о фидаине, который в одиночку уничтожил сорок турецких солдат? – девушка с прежней настойчивостью задавала вопросы Эгояну. Тот не смог не показать удивления, услышав этот вопрос. Эгоян и понятия не имел, о ком шла речь. Он посмотрел на Тиграна, словно прося помощи, но тот в ответ лишь плечами пожал, как бы говоря: Я знаю не больше твоего!

– Как же так? – снова заговорила девушка, от которой не укрылся немой диалог Эгояна с хозяином дома. – Партия, которая направляет действие армянских фидаи, поставляет им оружие... и понятия не имеет о таких героях?

– Я в партии совсем недавно, – вынужден был признаться Эгоян. – И, честно говоря, я и понятия не имею, о ком идёт речь. Если это вообще не выдумка.

– Это не выдумка, – в словах девушки послышалась заметная обида. – Этот фидай из отряда Сепуха в Эрзеруме. Идут слухи, что он возглавлял горстку людей, которая сражалась в Адане, и только благодаря им из города были выведены более пятисот человек.

– И как зовут этого героя? – не смог не спросить Эгояна. Он сам должен был вскоре отправиться к Сепуху по заданию партии, но об этом никто не знал.

– Арут Акопян! – последовал ответ. – Его ещё называют Кес Арут.

– Акопян? – это фамилия ровным счётом ничего не говорила Эгояну. Поэтому он осторожно повернул разговор в другое русло. Говорить о том, что могло быть связано с отрядом Сепуха, он не хотел. Среди присутствующих вряд ли кто-нибудь мог оказаться предателем и донести на него. Но как говорится: «Бережёного бог бережёт».

Разговор снова вернулся к теме Аданы. Эгоян ответил на десятки разных вопросов. Затем, улучив минутку, уединился с Тиграном. Тот с явным удивлением следил за тайными передвижениями своего друга.

– Утром я навсегда покидаю Константинополь, – коротко сообщил Эгоян.

Тигран с нескрываемым удивлением выслушал эту новость.

– А как же твоя семья? Ты их бросаешь здесь? – не мог не спросить он.

– Я отправил семью в Карс к родственникам, – последовал ответ Эгояна, – и тебе советую поступить так же. Бросай писать, Тигран. Бросай писать, бери винтовку и иди с нами. Мы должны сражаться, иначе нашему народу не выжить.

– Глупости, – Тигран отмахнулся от Эгояна, – ты слишком близко к сердцу принял трагедию Аданы. Подобное больше не повторится. Мы все так думаем.

Спокойный Эгоян неожиданно вспыхнул после слов Тиграна.

– Турки уничтожают наш народ в течение пятисот лет. И каждый раз среди армян находится глупец вроде тебя и говорит: «Подобное больше не повторится». Да поймите вы все, наконец. Армения должна быть свободной и независимой. Только так мы избавимся от опасности быть уничтоженными. Попытки примирения и прощения могут привести к ужасающим последствиям. Эти люди принимают такие попытки за слабость и ещё более ожесточаются против нас. Начиная с 1893 года все убийства армян остаются безнаказанными властями. Даже ты должен понять, что безнаказанность порождает новые волны насилия. Насилия будут продолжаться и каждый раз всё в более изощрённой и отвратительной форме. Мы можем и должны противостоять этому всеми силами, какие только сможем собрать.

Пылкая речь Эгояна не произвела ни малейшего впечатления на Тиграна. Он лишь сочувственно смотрел на своего друга, не желая говорить, что считает его позицию неправильной. Но Эгоян и так всё понял по взгляду Тиграна. Он понял, что его слова падают в никуда. Они не доходят до слуха его друга.

– Прими совет, Тигран, отправь семью в Карс. Российская империя – единственная, кто защищает нас от полного истребления. Отправь их, иначе тебе придётся горько сожалеть, что ты не послушал моего совета.

Сказав это, Эгоян оставил своего друга. Наскоро попрощавшись с почтенной Ареват, Эгоян взял шляпу и вышел на улицу.

Ночные улицы Константинополя были совершенно пустынные. Дом Эгояна находился в квартале отсюда. Он направился домой. Он шел, постоянно озираясь по сторонам, словно ожидал засады. Однако его опасения оказались напрасными. Ему удалось благополучно добраться до дома. Уже засыпая в пустом доме, Эгоян негромко пробормотал:

– Скорее в Эрзерум. Константинополь смердит тупостью и скудоумием армян!

Глава 6

23 апреля 1909 года

События продолжают развиваться

Небольшая чайхана была битком набита посетителями. Тошнотворный запах гашиша висел в воздухе. Основу посетителей составляли местные жители. На что указывала своеобразная восточная одежда и небольшие шапочки, которые здесь носили даже в самую жаркую погоду. Исключение составлял лишь один человек. Это был, несомненно, европеец. Он сидел в крайнем левом углу и медленно потягивал из блюдечка чай. Европеец сидел один. На него мало кто обращал внимания. Константинополь в последние годы был полон иностранцами. Однако того же самого нельзя было сказать о европейце. Он весьма пристально наблюдал за всеми посетителями и, в особенности, за открытым входом из-под краёв надвинутой на лоб шляпы. Допив чай, европеец подозвал официанта и что-то сказал на местном наречии. Едва официант отошёл, как в чайхану вошёл человек восточной наружности лет сорока одетый в европейский костюм. В руках у него была трость, на которую он опирался при ходьбе. Увидев этого человека, европеец слегка приподнял шляпу. Тот увидел жест. Немного помедлив, он окольным путём подошёл к столу, где сидел европеец и сел напротив него на свободный стул. Этот человек сразу же подозвал официанта и попросил принести чай. Как только официант отошёл, он незаметно улыбнулся европейцу и почти на безукоризненном русском языке тихо произнёс:

– Рад вас видеть, господин Луцев!

– Я тоже, Махмут бей! – так же тихо ответил тот, кого называли Луцевым.

– Вы хотели меня видеть? – снова так же тихо спросил Махмут бей. Задавая этот вопрос, он слегка повернулся вправо, чтобы иметь возможность полностью видеть происходящее в чайхане.

– Меня интересует имя человека, который спровоцировал резню армян в Адане? – Луцев улыбнулся подошедшему официанту. Принял чай. Налил его в блюдечко и с явным наслаждением отпил глоток.

– Их трое! – Махмут бей последовал примеру Луцеву и тоже отпил глоток чая. Ещё раз, настороженно оглядев чайхану, он едва слышно продолжил: – Вали Аданы Джевад паша, санитарный инспектор Эшраф паша и редактор газеты «Итидаль» Ихсан эфенди. Все трое влиятельные члены комитета партии «Единение и прогресс». Они исполнители. Действовали по указанию правительства.

– Какова была истинная цель?

– Их две. Уничтожить армян и набить свои карманы золотом!

– Сведения точные?

– Абсолютно.

– А что наши «друзья» из «Тешкилат»? – задавая этот вопрос, Луцев привстал и приподнял шляпу, приветствуя какого-то знакомого, появившегося в этот миг в чайхане.

Бросив быстрый взгляд на этого человека, и не глядя на Луцева, Махмут бей коротко ответил:

– Несколько дней назад была отправлена группа людей в направлении Саракамыш. Все были одеты в крестьянскую одежду. На самом деле эти люди – военные. «Тешкилат» впервые использует военных в своей работе. Зачем это сделано не известно. Все детали, касающиеся этой операции, содержатся в строжайшей тайне. Но, – Махмут бей понизил голос до полусшёпота, и в который раз оглядев чайхану, продолжил: – Есть более точные сведения о второй

организации, цели которой вы просили выяснить. В прошлый раз я говорил вам о том, что именно эта организация выпустила несколько сот преступников из тюрем. Все они были осуждены за особо тяжкие преступления. На этом они не остановились. «Махсусе» на сегодняшний день ведёт очень странную деятельность. Сам Бехаэтдин Шакир разъезжает по всем тюрьмам страны. Его сопровождают те самые преступники, которых он освободил. Руководствуясь советами этих людей, Бехаэтдин Шакир составляет списки преступников в каждой из тюрем. Версий, по поводу этих действий, очень много, но реальной мне представляется только одна. Этих людей готовятся освободить из тюрем, а впоследствии...создать отдельную дивизию «Чётников». Какие задачи будет выполнять эта дивизия – неизвестно. Можно лишь предположить, что им будет отведена так называемая «чёрная работа».

– Спасибо! – Луцев снова поднёс блюдечку ко рту собираясь отпить чай, когда снова раздался едва слышный голос Махмут бей.

– Это не всё. У меня есть информация о тайном заседании правительства под председательством Талаат паши. Информация совершенно секретная. На этом заседании была утверждена карта Османской империи.

– И что же секретного в этой карте? – внимательно слушающий Луцев отпил чай и поставил блюдечко на стол.

– Карта особенная, – Махмут бей кинул быстрый взгляд на Луцева, а потом снова отвернулся, делая вид, что рассматривает посетителей, а затем шёпотом продолжил: – Карта особенная. На ней указаны все изменения, которые должны произойти в империи вплоть до 1920 года. В частности наименования провинций, количество жителей и этническая принадлежность этих людей.

На лице Луцева отразилось ярко выраженное удивление.

– Что же в этом секретного? Все страны производят такие карты, – тихо ответил Луцев.

– Что секретного? На этой карте ни разу не встречается слово «Армянин». А ведь только в Константинополе живёт более 250.000 армян. Я достану копию.

Положив монету на стол, Махмут бей едва заметно кивнул в сторону Луцева и неторопливо покинул чайхану. Луцев ещё оставался несколько минут в харчевне, а потом последовал примеру Махмут бей.

Покинув чайхану, Луцев остановил на улице извозчика. И уже садясь в коляску, коротко бросил на местном наречии:

– Русское посольство.

Через четверть часа он уже входил в здание посольства. А ещё через четверть часа Луцев подошёл к одноименной двери в посольстве. У двери стоял вооружённый охранник. Увидев Луцева, он откозырял ему и открыл дверь. Луцев вошёл внутрь. Это была небольшая комната, где сидели два человека за телеграфными аппаратами. Луцев остановился возле одного из них и отрывисто бросил:

– Шифровка в генеральный штаб контрразведки!

Раздался уже знакомый стук. Началась передача сообщения.

– Есть сведения о том, что в район дислоцирования кавказской армии направлена группа военных. Возможная цель – разведка оборонительных позиций нашей армии в районе Саракмыш. Точнее сообщить не представляется возможным.

Докладываю вашему превосходительству о сложившейся обстановке в Османской империи. Предпринимаемые правительством меры, в коих они заверяют страны Европы и Россию, являются ширмой. События, произошедшие в Аданском Вилайте, являются результатом антиармянской политики властей. Есть доказательства участия в оных действиях чиновников самого высокого уровня. Как в правительстве, так и в министерстве внутренних дел и армии. Что выявляет несомненность совместных действий. И что, в свою очередь, доказывает суще-

ствование некоего плана, разработанного правительством в отношении армянского населения империи.

– Считаю своим долгом выразить собственное мнение по поводу происходящих событий, – продолжал Луцев сосредоточенным тоном под стук телеграфиста, – стабилизация ситуации и в частности касающейся армянского населения...временна. Меры правительства Османской империи, принимаемые в данный момент для стабилизации обстановки и прекращения поголовной резни – вынужденными, принятыми в первую очередь под давлением со стороны Франции. Правительство которой однозначно выразилось по поводу производящихся бесчинств и пригрозило вводом войск в случае, если убийства армянского населения не будут немедленно прекращены. Считаю, это обстоятельство и твёрдую позицию России, единственными причинами сегодняшней спокойной обстановки. Принимая во внимание вышесказанное, считаю прекращение поголовной резни лишь началом операции, спланированной высшими эшелонами властей Османской империи. Считаю обстановку в части касающейся армянского населения – катастрофической. Прошу рекомендовать ужесточить позицию России по данному вопросу. Прошу рекомендовать военному ведомству рассмотреть вопрос о начале военных действий силами сухопутных войск и флота.

Немногим позже Луцеву принесли ответную телеграмму. На ней стояло всего несколько слов:

– Ваши рекомендации приняты к сведению!

Луцев скомкал бумагу и в таком виде сунул в ящик стола. Истинное значение этих слов состояло в следующем: «Не лезьте не в своё дело!».

Луцев поднялся и, подойдя к окну, нервно закурил.

«Все только и делают, что кричат об армянском вопросе, – думал Луцев, – все только и делают, что грозят туркам и сочувствуют армянам. Неужели они не видят, что убийства не прекращаются, а наоборот принимают всё более страшные формы? Неужели они не видят, что никто не несёт ответственности за весь этот ужас? Неужели они не видят, какая катастрофа может произойти? И как мы сможем простить себя, если зная обо всём, не помешали этому свершиться?».

Глава 7

Эрзерум конец мая 1909 года

«Арут... не смотри... беги сынок... беги»

Шестилетний мальчик, босой, голый по пояс в потрёпанных коротких штанишках с перепачканным гарью лицом стоял внутри полыхающего дома и как заворожённый смотрел на два тела, распростёртые перед ним на полу. Оба тела были женскими и оба были полностью обнажены. Одно тело принадлежало женщине лет тридцати. Другое – девочки лет двенадцати. У обеих были вскрыты животы таким образом, что ясно виднелись внутренности. Мальчик, не мигая, смотрел на тела и на лужи крови возле них.

В углу рядом с телами лежал истекающий кровью мужчина. Сделав невероятное усилие, он поднялся, шатаясь, подошёл к мальчику, взял его за руку и отволок к окну, которое ещё не было охвачено огнём. Мужчина приподнял мальчика и бросил через окно, во двор. Падая мальчик, даже звука не издал. Мальчик мгновенно вскочил на ноги и посмотрел на окно, где по-прежнему стоял мужчина. Он стоял всего лишь несколько мгновений. Языки пламени коснулись мужчины. Не издав ни звука, он исчез за окном. Мальчик стоял и смотрел, как огонь охватывает окно. Через несколько минут, объятый огнём, дом рухнул. А мальчик стоял и смотрел, пока огонь не пожрал всё.

Неожиданно... руины сгоревшего дома превратились ...в благоухающий сад. Мальчик удивлённо смотрел на появившуюся невесту откуда девушку в свадебном платье. Девушка была хорошо сложена и необычайно хорошо собой. Карие глаза идеально сочетались с длинными чёрными волосами и смуглой кожей. Правильные черты лица ещё более красила мягкая улыбка. Девушка держала в руках розу.

Мальчик подошёл к ней, взял из её рук розу и приколол к волосам. Сразу после этого девушка нежно поцеловала его в губы. Затем счастливо улыбаясь, она начала куда-то исчезать. Прежде чем совсем исчезнуть, она протянула руки навстречу мальчику и нежно промолвила:

– Я жду тебя, Арут! Приходи, мой суженый!

– Опять стонет..., каждую ночь вот так, – вожак отряда армянских фидаи Сепух бросил взгляд на молодого человека, спавшего в нескольких шагах от костра, около которого сидел он и представитель армянских боевых отрядов, прибывший из Константинополя – Ашот Эгоян.

Оба смотрели на то, как молодой человек мечется во сне. Время от времени из его горла вырывались судорожные стоны.

– Кто такой? – тихо спросил у Сепуха Ашот Эгоян.

– Арут Акопян!

– Тот самый? Кес Арут? – с уважением глядя на спавшего молодого человека, спросил Эгоян.

– Да!

– Наслышан о нём! Говорят – он даже чёрта не боится. Ещё слышал, как он в Адане бился. Не знаю только, правда или нет?

– Так и есть, – подтвердил Сепух, – парень – огонь. Когда к нам пришёл, ему 17 лет было. Мы все посмеивались над ним. Думали, ну что он – несмышлёныш, юнец. Худой, невысокий, разговаривает мало, стесняется как девушка. Ну и что ты думаешь? В первом же бою нас всех посрамил, – Сепух улыбнулся, вспоминая прошедшие события, – мы тогда засаду устроили. Ожидали увидеть человек семь-восемь из карательных отрядов, а появились сорок. А нас всего двадцать человек. Я уже хотел отменить нападение. Силы были неравны, и... смотрю, глазам

не верю. Арут... вышел на дорогу, спокойно подошёл к переднему всаднику. Это был какой-то офицер. Подошёл, без единого слова стащил с лошади и убил. Турки даже не отреагировали. Они были потрясены этим поступком. Они только и делали, что смотрели на Арута, – Сепух, а за ним вслед и Эгоян, рассмеялись.

– Ну и это не всё, – смеясь, продолжал рассказывать Сепух, – мы тоже не хуже турок растерялись. Тоже молчим, звука не издаём. Они молчат, мы молчим, а наш Арут спокойно подходит ко второму и убивает. Тут всё и началось. Не поверишь, Ашот, мы ни одного человека не потеряли в том бою. После этого все наши фидай начали с уважением относиться к Аруту. Да и сильный парень оказался. Он любого в отряде без усилия уложит. Про его силу у нас в отряде шутка ходит. Мол, на медвежьем молоке вырос. Сколько передраг после этого было. И с турками бились и с курдскими отрядами. Арут всегда впереди всех. И спокойнее всем в бою, когда он рядом бьётся. Все знают – умрёт, но друга не оставит в беде. Арут – душа нашего отряда.

– А что Адана? – задал вопрос Эгоян. – Что там было?

– Наши ребята там целый день бились. Как могли, спасали людей. Воспитанниц гимназии Нерсесяна спасли. Ещё других. Всех вывели из города. Рассказывают и сами удивляются, что в живых остались, да ещё столько людей спасли. Один фидай только погиб. А что касается Арута, про него лучше не напоминай, – Сепух махнул рукой, – совсем с головой не дружит этот парень. Только и делает, что смерть свою зовёт. Про него такое рассказывают, ... не поверишь, Ашот, даже у меня волосы дыбом встают от страха.

– И что же рассказывают? – Эгоян с не скрываемым любопытством посмотрел на спящего Арута.

– Что? – переспросил Сепух. – Мало, что он только и делал, как нападал на всех кто стоял у него на пути, так он ещё додумался с целым полком сразиться.

– Не может быть, – не поверил Эгоян.

– Клянусь тебе, Ашот, так и было, – голос Сепуха не оставлял сомнений в правдивости его слов. – Зашёл один в казарму к туркам... перебил там всех. Взял оружие, патроны и начал стрелять во всех, кого видел. Его сразу же окружили... и конец бы ему, да бойцы наши успели взорвать склад боеприпасов. Представь, там даже охраны не было. Все побежали нашего Арута убивать. Взорвали склад, а заодно и лошадей выпустили из конюшни. Начался переполох. Пока турки приходили в себя, наши взяли патронов, сели на лошадей и убежали. Арута раненого вытащили из казармы. Две пули у него в теле сидели. Наши бойцы клянутся, что запоздай они немного, Арут на весь полк в рукопашную пошёл бы...

Эгоян долго и весело смеялся над рассказом Сепуха.

– Вот такой наш Арут!

Закончив говорить, Сепух снова, в который раз, широко улыбнулся. Оба снова одновременно посмотрели на спящего Арута, который всё так же беспокойно ворочался.

– Беспокоит видно что – то, – заметил Эгоян, – может, стоит разбудить?

– Не надо, – Сепух слегка помрачнел, – Арут родом из Кеса.

– Того самого? – восторженно воскликнул Эгоян. – А я слышал, что всех жителей деревни полностью вырезали.

– Пятеро спаслись. Арут в их числе. Ему тогда шесть лет было. На его глазах турки убили отца, изнасиловали сестру и мать. Вскрыли им животы, а потом заставили его смотреть, как они умирают. А потом они подожгли дом. Арут находился внутри. Каким-то чудом ему удалось выбраться из горящего дома. Он мне сам признавался, что с того дня ни одну ночь не может заснуть без того, чтоб не видеть кошмаров.

Сепух замолк. Он молча подбросил несколько сухих веток в костёр. Костёр запылал ярче. Эгоян сочувственно покачал головой.

– История Арута похожа на тысячи других историй. Вряд ли сегодня найдётся армянская семья, которая не потеряла близких или родственников в этой не объявленной нашему народу войне. Наш долг сделать всё возможное, чтобы не допустить событий, подобных Кесу и Адане.

– Ты думаешь, резня может повториться? – в голосе Сепуха послышалось беспокойство.

– Мы уверены в этом, – Эгоян мгновенно посерьёзней и заговорил с медленной рассудительностью. – Суди сам, Сепух. К власти пришли младотурки. Все знают, что эти люди ярко выраженные националисты. Они давно точат на нас зуб. К тому же, в Константинополе идёт слух о том, что тайно создаются специальные карательные отряды, состоящие из курдов и освобождённых из тюрьмы преступников. Пока это, слава богу, только слухи, но мы должны быть готовы к самому худшему. Если нас снова начнут убивать, мы должны быть готовы ответить. Это одна из главных задач моей поездки. Мы собираемся повсеместно создать отряды самообороны. И таким образом, чтобы они могли взаимно выручать друг друга в случае опасности.

– А как же Россия, Франция, Англия, Америка? Неужели они бросят нас одних?

– Пока они доберутся до нас, пока будут выражать протесты – уйдёт определённое время. А наши враги рядом. Они живут по соседству. Мы не должны забывать об этом. И рассчитывать, прежде всего, на самих себя. Хотя признаюсь откровенно, Сепух, эту точку зрения разделяют не все. Некоторые считают, что подготавливая боевые отряды, мы вызываем ненависть турков и тем самым приближаем расправу.

Сепух подбросил ещё немного веток в костёр. Глядя на костёр, он задумчиво проговорил.

– Глупцы, Ашот. Так могут говорить глупцы и предатели. Неужели наша история ничему не научила этих людей? Османская империя никогда не станет другом армянам. У них руки по плечо в армянской крови. Мы ни улыбаться им должны, а сражаться. Насмерть сражаться. Это ещё не конец. Не конец.

Оба поглощённые разговором не заметили, как молодой человек, о котором они говорили, поднялся и, набросив на плечи плащ, который служил ему одеялом, направился в сторону от горящих костров.

Луна ярко освещала лагерь фидаинов. Лагерь был расположен на небольшом плато, что находилось на самой верхушке горы. Семьдесят человек, составляющих отряд, мирно посапывали возле горящих костров. Несколько человек бодрствовали. Около двух десятков несли охрану по всему периметру лагеря, следя за подходами.

Арут, вдыхая свежий горный воздух, подошёл к самому краю горы, откуда начинался крутой склон вниз и где начинался лесистый массив. Мужественное лицо вначале было обращено к звёздам и на мгновение застыло. Появилось мечтательное выражение. Оно не сходило с лица, когда голова молодого человека слегка склонилась. С верхушки горы открывался потрясающий вид на город Эрзерум. Тысячи огней лежали всего лишь в нескольких километрах от места, где стоял Арут. Он долгое время созерцал огни города. Поглощённый этим зрелищем, он не заметил, как два человека подошли и встали чуть позади него.

Несмотря на это, он даже не шелохнулся, когда позади него раздался голос Сепуха.

– О чём думаешь, брат Арут?

– О девушке, – не оглядываясь, ответил Арут.

– Ну, если парень смотрит на звёзды и думает о девушке – всё ясно.

Услышав незнакомый голос, Арут обернулся. Рядом с Сепухом стоял бородатый мужчина лет пятидесяти и дружески улыбался ему.

– Ашот Эгоян из Константинополя! – представил его Сепух.

Эгоян, открыто улыбаясь, протянул руку Аруту. Тот так же открыто пожал её. Сепух дружески похлопал Арута по плечу и, улыбаясь, спросил:

– Так что это за девушка, которая сумела украсть сердце у нашего сорвиголовы?

Арут в ответ на этот вопрос, застенчиво улыбнулся.

– Не знаю, Сепух!

Услышав этот ответ, и Сепух и Эгоян расхохотались. Арут тоже улыбнулся, понимая, насколько странно прозвучали его слова.

– Девушка из моего сна, – коротко пояснил Арут, – она мне уже месяц снится. Каждую ночь. И каждый раз одно и то же. Стоит в саду в свадебном платье и говорит: «Арут, я жду тебя! Приходи, мой суженый!». Она очень красивая...

Сепух подмигнул Эгояну.

– Ты имя-то спросил? Как зовут девушку?

– Каждый раз хочу спросить, но она уходит, – признался Арут. По его лицу было заметно, что девушка из сна производила на него неизгладимое впечатление.

Сепух снова подмигнул Эгояну.

– Брат Арут, когда узнаешь имя девушки, обязательно скажи мне.

– Скажу, – коротко пообещал Арут.

Сепух незаметно потянул Эгояна за руку, показывая, что следует оставить Арута одного. Парень явно не был расположен к разговору. После их ухода Арут обратил лицо в сторону звёзд. В светло серых глазах застыла робкая надежда. Мечтательный взор устремился ввысь.

Эгоян и Сепух вновь уселись подле костра и продолжили прерванный разговор.

– Станный он, – кивая на одинокую фигуру Арута, отчётливо заметную в лунном свете, произнёс Эгоян, – влюбился в девушку, которая ему приснилась.

– Мы все мечтаем, – коротко ответил на эту реплику Сепух, – как же жить без этого?

К Сепуху подошёл один из часовых несущих дежурство. Наклонившись, он коротко сообщил:

– Ахмед пришёл!

– Турок? Здесь в лагере? – Эгоян мгновенно всполошился. – Наверняка шпион. Убить его. Нет, лучше сперва допросим. Узнаем что ему известно.

В ответ на это Сепух не смог сдержать улыбки.

– Сделаешь это, Ашот, и поверь, Арут до Константинополя доберется, чтобы тебя найти. Арут всех нас на тот свет отправит, вздумай мы причинить вред Ахмеду.

– Ты смеёшься надо мной, Сепух? – Эгоян не знал, что и думать.

На его глазах один из фидаинов провёл худощавого паренька лет восемнадцати укутанного с ног до головы в чёрную одежду в сторону одиноко стоявшего Арута. Эгоян увидел, как Арут повернулся и как потом крепко обнял паренька.

– Арут считает Ахмеда родным братом. В Кесе турки ударили Арута саблей и бросили умирать. Его, окровавленного, умирающего, подобрал отец Ахмеда – Мусават Али. Он несколько месяцев боролся за жизнь Арута, и только ему он обязан тем, что остался тогда жив, – пояснил, улыбаясь Сепух.

– Мусават Али? Имам?

– Он самый, – подтвердил Сепух и продолжал: – Ахмед тоже идёт по следам отца. Он учится в медресе, и готовится принять духовный сан. Он сильно рискует, приходя в наш лагерь. Его могут убить свои же. Но парня ничего не может остановить. Раз в месяц он приходит к нам. Иногда приносит домашнюю еду, а чаще они садятся с Арутом и часами о чём-то разговаривают. Как сейчас.

Эгояну оставалось только удивляться и издали наблюдать за обоими. А Арут тем временем строго выговаривал Ахмеду. Тот стоял с опущенной головой и молча слушал.

– Я же тебя просил не приходить. Ты понимаешь, как опасно здесь? Нас в любой момент могут атаковать? На тропинках устраивают засады. Любой может попасть под пулю, а ты... всё равно лезешь головой в петлю. Ты подумал о том, что я скажу отцу? Что скажу матери, если с тобой что-нибудь случится? Как посмотрю им в глаза? Ахмед... – внезапно Арут осёкся. Он осознал, что парень сильно расстроен.

– Да ладно, – видя, что его слова расстраивают Ахмеда Арут сменил тему разговора, – по правде говоря, я тебя очень рад видеть, брат!

– Правда? – лицо Ахмеда засветилось от радости.

– Правда, – признался, улыбаясь, Арут. Взяв Ахмеда за плечи, он усадил его рядом с собой на одном из валунов разбросанных вокруг них. – Рассказывай, как отец? Как мама? Как Эрзерум? Как медресе? Что нового?

Арут минут пятнадцать слушал сбивчивый рассказ Ахмеда и почти всё это время улыбался. Парень совсем не изменился. Всё, даже любую мелочь, Ахмед воспринимал слишком эмоционально. Поэтому ответы на обычные вопросы Ахмед превращал в увлекательный рассказ. Арут в который раз поймал себя на мысли, что ему нравится слушать Ахмеда. Он говорил красиво и всегда открыто и искренно. На мгновение Арут задумался. На память пришли дни, прошедшие в доме имама. Странно, но чувство семьи он получил от тех же людей, которые уничтожили его семью и против которых он боролся. Сквозь размышления Арут уловил имя «отец» и тут же переспросил Ахмеда:

– Что отец? Он нездоров?

В ответ последовал удивлённый и слегка обескураженный взгляд Ахмеда.

– Брат, ты меня не слушаешь? Отец хочет поговорить с тобой. Он договорился с властями. Тебя не тронут, если ты бросишь фидаинов и придёшь с повинной. Подумай, брат, зачем тебе такая жизнь, как сейчас? В Эрзеруме у тебя будет свой дом. Ты женишься. Заживёшь спокойной жизнью.

– Спокойная жизнь не для меня, – коротко ответил Арут, – а отцу передай, что я обязательно приду. Даже если буду знать, что по дороге меня ждёт смерть, я приду на его зов.

– Отец это знает, – с чувством произнёс Ахмед, он сказал мне: не может сын не услышать зова отца. Да ещё, чуть не забыл, – спохватился вдруг Ахмед, – ко мне уже раз десять приходил Мушег.

– Мушег? Тот, чей отец торгует табаком на базаре? И что ему надо?

– Теперь он сам торгует на базаре табаком. Его отец умер.

– И зачем он приходил?

– Тебя искал. Ему девушка одна понравилась. Хочет её украсть. Просит твоей помощи. Сказал, что хорошо заплатит, если поможешь ему.

– Подумаешь, девушку украсть? – несколько удивлённо ответил Арут. – Зачем моя помощь нужна? Пусть попросит своих родственников.

– И я ему так сказал, – закивал головой Ахмед.

– Ну, а он?

– Говорит, девушка – княжеская дочка. Дом большой. Много мужчин. Слуги. Ему не под силу такое осуществить.

– Ишь ты, княжескую дочку захотел?! – Арут неопределённо покачал головой и тут же негромко добавил: – Ну да ладно, поможем Мушегу. Хороший человек. Увидишь, скажи, приду на днях. Зайду с отцом поговорю и заодно княжну эту выкрадем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.